

Самуил Шварцбанд

Стихотворный опыт А. С. Пушкина

«Из мрака бездны...»

Сегодня, после работ О. С. Муравьевой и И. В. Немировского¹ «наполеоновская тема» у Пушкина может считаться во многих отношениях отчетливо различимой. Вместе с тем, это отнюдь не означает, что история текста стихотворения «Наполеон» (1821) нам известна достаточно подробно и непротиворечиво.

Даже такой опытный исследователь как О. С. Муравьева после анализа оды «Вольность» (1817) посчитала вполне уместным заявить: «Затем на протяжении четырех лет Пушкин ни разу не упоминает о Наполеоне — до тех пор, пока 18 июля 1821 г. не отметит записью известие о смерти Наполеона»².

Но, во-первых, еще в письме к брату от 21 сентября 1820 г. Пушкин вспоминал о «химическом плане Наполеона» по завоеванию Индии.

© Samuil Schwarzband, 2010. (Продолжение, начало см. TSQ 31).

¹ См.: Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды»). IN: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991, т. XIV, с. 5—32; Немировский И. В. Генезис стихотворения А. С. Пушкина «Наполеон» (1821). IN: Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995, т. XV, с. 176—183.

² Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон, *ibid.*, с. 9.

Во-вторых, в самом начале 1821 г. в своей записной книжке ПД № 830 на л. 40 он записал: «Ор(лов) говорил в 1820 г.: „Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона”» («О... disait en 1820: „Révolution en Espagne...”»)³.

В-третьих, бурные события в Неаполе и Пьемонте, в Испании и в Молдавии, по исторической случайности «приуроченные» к конгрессам «Священного союза» в Троппау и Лайбахе, не могли быть осмыслены в Кишиневе без имени ссыльного императора. Так что, несомненно, имя опального императора в 1820—1821 гг. постоянно присутствовало при любом обсуждении основных политических событий. Таковы факты, которые предшествовали «известию о смерти» Наполеона.

Они были очевидными и для Б. В. Томашевского. Оценивая в записи Пушкина сказанные М. Ф. Орловым слова, ученый вполне логично пришел к выводу, что «помимо событий, характеризующих эпоху, заметим как бы необходимо вытекающее из всего рассуждения упоминание о Наполеоне», а затем пояснил: «Имя Наполеона часто называлось в это время... Вся обстановка складывалась так, чтобы подвергнуть пересмотру оценку его деятельности... Политика Священного союза... заставила пересмотреть оценку свергнутой власти»⁴.

Хронология событий, составленная Б. В. Томашевским, подчеркивала это обстоятельство (все даты указываются по старому стилю): 27 апреля 1820 г. испанский король Фердинанд II присягнул «конституции 1812 г.»; в конце мая 1820 г. (Пушкин на Кавказе) карбонарии с генералом Пепе во главе входят в столицу Двух Сицилий — Неаполь; в августе 1820 г.

³ См.: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832. IN: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986, т. XII, с. 233, а также примечание 21: «...лист 40 заполнялся в самом начале 1821 г., ср. выражение „Орлов говорил в 1820 году...”» (вполне вероятно, что к моменту появления этой записи 1820 год уже закончился)».

⁴ Томашевский Б. В. Пушкин. В 2-х тт. М.—Л. 1956, кн. I, с. 374—375.

началось восстание в Португалии, которое завершилось принятием «конституции 1812 года»; 8 октября 1820 г. в Троппау приезжает Александр I, а 29 октября в Троппау прибыл и П. Я. Чаадаев с «донесением И. В. Васильчикова о возмущении Семеновского полка»; 1 января 1821 г. открылось первое заседание в Лайбахе (Любляна); 24 февраля австрийцы начали военные действия в Италии и уже к 12 марта были в Неаполе; 1 марта 1821 г. — восстание в Пьемонте, но уже 30 марта оно было подавлено. Наконец, в конце марта началось греческое восстание⁵.

К тому же, думается, что имя французского императора в 1820—1821 гг. еще до его смерти упоминалось в Каменке, Киеве, Тульчине, Одессе и Кишиневе значительно чаще, чем оно сохранилось в бумагах и переписке Пушкина, в воспоминаниях и дневниках его современников.

24 марта 1821 г. Пушкин предварил свое письмо к Н. И. Гнедичу стихами, в которых засвидетельствовал характер бесед на обедах у командующего Второй армией:

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом [венчанный] изгнанный
Овидий мрачны дни влачил...

.....
Все тот же я — как был я прежде.
С поклоном не хожу к Невежде,
С Орловым спорю...⁶

Эти споры не могли не касаться «наполеоновской темы».

Найденный Ю. Г. Оксманом «среди актов дознания по делу „первого декабриста“ в архиве аудиторiatского депар-

⁵ Томашевский Б. В. Пушкин, *ibid.*, кн. I, с. 375—376.

⁶ Пушкин. Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. В 3-х тт. М., 1926—1935, т. 1. с. 17. В дальнейшем указываем «Письма», том и страницы по этому изданию, а тексты по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. 3-е изд. М., 1962—1965. За исключением особо оговоренных случаев в дальнейшем цитируем по этому изданию и обозначаем римскими цифрами том, арабскими — страницы.

тамента военного министерства» известный диалог В. Ф. Раевского «Вечер в Кишиневе» был впервые опубликован с предисловием и комментариями ученого в «Литературном наследстве» (1934).

Указав, что «страницы „Вечера в Кишиневе“ (так озаглавил В. Ф. Раевский свою работу)... намечали яркую бытовую зарисовку одной из литературных дискуссий 1821—1822 гг. (в доме И. П. Липранди или в квартире самого автора)», и, среагировав на то, что «неожиданно... объектом спора... был „Наполеон на Эльбе“ — одна из самых ранних публикаций Пушкина, создание еще лицейских лет», ученый объяснил: «Ближайшим поводом выступления В. Ф. Раевского явилась, как мы полагаем, перепечатка „Наполеона на Эльбе“ во втором издании пятой части „Собрания образцовых сочинений и переводов в стихах“, выпущенного „Обществом любителей отечественной словесности“ в самом начале 1822 г.»⁷. Затем Ю. Г. Оксман датировал работу «первого декабриста»: «В самом деле, дата переезда В. Ф. Раевского из Аккермана в Кишинев — 5 августа 1821 г., дата цензурного разрешения „Образцовых стихотворений“ — 30 сентября 1821 г. Сборник не мог выйти в свет и дойти до Кишинева раньше нового года, а 6 февраля 1822 г. В. Ф. Раевский был уже арестован. Следовательно, „Вечер в Кишиневе“ принадлежит к числу тех произведений „первого декабриста“, отделке и окончанию которых помешало его заключение в крепость»⁸. Мнение М. А. Цявловского, что «пятая часть „Собрания“ вышла в свет только в 1823 г., ибо Ф. В. Булгарин не упомянул о ней в „Кратком обозрении литературы в 1822 г.“, было лишено, как посчитал Ю. Г. Оксман, «достаточного

⁷ Оксман Ю. Г. «Вечер в Кишиневе» (из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского). IN: Пушкин: Литературное наследство, т. 16—18. М, 1934, с. 658—659. Выходные данные «Собрания образцовых Русских сочинений и переводов в стихах» несогласуются с гипотезой Ю. Г. Оксмана: «Часть пятая. Санктпетербург, печатано в типографии Ивана Глазунова 1822 года». Вряд ли до ареста В. Ф. Раевского 6 февраля 1822 г. «Собрание» появилось в Кишиневе. См.: Университетская пушкиниана: Прижизненные публикации и издания А. С. Пушкина: Каталог. М., 2000, с. 61.

⁸ Оксман Ю. Г. «Вечер в Кишиневе», *ibid.*, с. 659.

основания, независимо от данных об отклике В. Ф. Раевского»⁹.

После 1934 г. датировка диалога стала общепринятой — она вошла в «Летопись жизни и творчества» М. А. Цявловского¹⁰ и, естественно, в новейшую «Летопись...» без всяких изменений: «Январь. В. Ф. Раевский пишет критическую статью „Вечер в Кишиневе“ (в форме диалога) о стих. „Наполеон на Эльбе“ Пушкина»¹¹.

И все-таки Ю. Г. Оксман, кажется, ошибался, ибо указанный им повод для написания Раевским «критической статьи» (переиздание юношеских виршей Пушкина) независимо от времени выхода пятой части «Собрания», на мой взгляд, также «лишен достаточного основания».

Во-первых, 13 декабря 1821 г. Пушкин выехал с И. П. Липранди в Аккерман, а возвратился в Кишинев не ранее 23 декабря (Н. Тархова, т. 1, с. 265, 268). Во-вторых, сведений о его встречах с В. Ф. Раевским в январе 1822 г. не сохранилось. Так что в конце 1821 — начале 1822 г. замысел «критической статьи» о стихах Пушкина вряд ли мог быть вызван спорами с молодым поэтом. К тому же в конце 1821 г. стихотворение Пушкина «Наполеон на Эльбе» (1815), появившееся в пятой части «Собрания», было анахронизмом, хотя бы потому, что Е. Н. Орлова в своем письме от 12 ноября 1821 г. к А. Н. Раевскому сообщала: «Пушкин больше не корчит из себя жестокого... Он только что кончил оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнению, хороша, сколько я могу судить, слышав ее частью один раз» (Н. Тархова, т. 1, с. 263).

Таким образом, факт знакомства в ноябре 1821 г. с новой одой Пушкина, написанной до 12 ноября 1821 г., делает гипотезу Ю. Г. Оксмана о поводе написания Раевским «кри-

⁹ Оксман Ю. Г. «Вечер в Кишиневе», *ibid.*, с. 664.

¹⁰ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М, 1951, с. 328.

¹¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4-х тт. Под ред. Н. А. Тарховой. М., МСМХСІХ, т. 1, с. 273. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени руководителя коллектива, тома и страницы.

тической статьи» абсолютно недостоверной. Именно потому, что «первый декабрист» в сентябре-ноябре 1821 г. мог уже знать о новом «Наполеоне» Пушкина (датировка первоначальной редакции — см.: Н. Тархова, т. 1, с. 262), доработать написанный задолго до ноября 1821 г. «Разговор в Кишиневе» В. Ф. Раевский и не стал. А то, что «критическая статья» была написана значительно раньше предложенной Ю. Г. Оксманом датировки, также вытекает из истории знакомства и бесед Пушкина с В. Ф. Раевским.

Напомню, что после продолжительного отсутствия Пушкин в марте 1821 г. снова оказался в Кишиневе.

Почти в это же время вернулся из отпуска и В. П. Горчаков. Спустя много лет он вспоминал: «В первых числах марта я возвратился в Кишинев... Являсь к генералу Орлову, я снова свиделся с Пушкиным, который встретил меня выражениями приязни и радушия... В этот день Пушкин обедал у генерала... Во время этого же обеда я познакомился с капитаном Раевским, большим пюристом-грамматиком и географом... Капитан Раевский, по назначению генерала, должен был постоянно находиться в Кишиневе при дивизионной квартире. Простое обращение капитана Раевского с первой минуты как-то сблизило нас, и до того, что, несмотря на разность лет наших, в несколько дней мы сошлись с ним на «ты». Но это сближение тут же не помешало нам о чем-то поспорить; да и вообще при каждом разговоре спор между нами был неизбежен; особенно, если Пушкин, вопреки мнению Раевского, был одного мнения со мною. В подобных случаях для каждого капитан Раевский показался бы несносным, но мы, как кажется, взаимно тешились очередным воспламенением спора, который, продолжаясь иногда по несколько часов, ничем не оканчивался, и мы расходились по-прежнему добрыми приятелями, до новой встречи и неизбежного спора»¹².

¹² Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине. IN: Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х тт. СПб., 1998, т. 1, с. 261—262.

Другой близкий знакомый Пушкина, И. П. Липранди, сообщал: «Период времени пребывания Пушкина в Кишиневе... должен делиться на две части: первая, с сентября 1820 г., когда он приехал, до мая 1821-го, когда Кишинев начал наводняться по случаю гетерии боярами... Вторая часть — с мая 1821-го и по июль 1823 года... Я умалчиваю здесь о некоторых других домах, в которые Пушкин иногда с знакомыми являлся, как, например... к Кешко, куда очень часто заходил есть дульчецу, в особенности когда у ней квартировал В. Ф. Раевский... Все офицеры генерального штаба того времени составляли как бы одно общество... С одними Пушкин был неразлучен на танцевальных вечерах, с другими любил покутить и поиграть в карты, с иными был просто знаком... он умел среди всех отличить А. Ф. Вельтмана... Он, безусловно, не ахал каждому произнесенному стиху Пушкина, мог и делал свои замечания, входил с ним в разбор... Вельтман делал это хладнокровно, не так, как В. Ф. Раевский. В этих случаях Пушкин был неподражаем; он завязывал с ними спор, иногда очень горячий, в особенности с последним, с видимым желанием удовлетворить своей любознательности, и тут строптивость его характера совершенно ступшевывалась... Три-четыре вечера, а иногда и более, проводил я дома, постоянными посетителями были у меня: Охотников, майор, начальник дивизионной ланкастерской школы В. Ф. Раевский... Из офицеров генерального штаба преимущественно бывали А. Ф. Вельтман, В. П. Горчаков и некоторые другие. Пушкин редко оставался до конца вечера, особенно во вторую половину его пребывания. Здесь... шла иногда очень шумная беседа, спор и всегда о чем-то дельном, в особенности у Пушкина с Раевским, и этот последний... очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией»¹³.

Итак, судя по воспоминаниям В. П. Горчакова и И. П. Липранди, знакомство Пушкина с В. Ф. Раевским

¹³ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. IN: Пушкин в воспоминаниях современников, *ibid.*, с. 285—297.

произошло в марте 1821 г., и до отъезда Пушкина в Одессу 10 мая они часто встречались. Одна деталь в воспоминаниях современников не может не привлечь нашего внимания: у В. П. Горчакова рассказывается о капитане В. Ф. Раевском, а у И. П. Липранди — о майоре. Из послужного дела опального офицера следует, что 9 февраля 1820 г. В. Ф. Раевский «был направлен на службу в 32-й Егерский полк (в Аккерман), куда он приехал в чине капитана в середине февраля 1820 года», а 22 апреля 1821 г. В. Ф. Раевский «был произведен в майоры»¹⁴. Вернувшись в Кишинев в начале марта 1821 г., Пушкин и Горчаков встречались с В. Ф. Раевским на обедах у М. Ф. Орлова и на вечерах у И. П. Липранди в марте и в апреле 1821 г. Поэтому прапорщик В. П. Горчаков называл своего собеседника согласно его чину до повышения в звании — капитаном Раевским. Вместе с тем, полковник И. П. Липранди, указывая адрес, где квартировался «первый декабрист» в Кишиневе до своего окончательного переезда из Аккермана («у Кешко»), не упоминал о воинском звании Раевского, зато при посещении его вечеров «первым декабристом» после 22 апреля величал его по новому чину — «майор, начальник дивизионной ланкастерской школы».

Как известно, в диалоге «Разговор в Кишиневе» участвует «майор Р.» и «молодой Е.», упоминаемый без чина. Однако нельзя не заметить, что майор Р. и Е. обращаются друг к другу на «ты», что соответствует и воспоминаниям В. П. Горчакова («...в несколько дней мы сошлись с ним на „ты”»). Замечательна и реакция майора Р. на шутку Е.:

«М а и о р . Я стихов терпеть не могу!

Е. Comme vous êtes arriéré.

М а и о р . Этот-то комплимент я вчера только слышал от генерала О.»¹⁵.

¹⁴ См.: Трубецкой В. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1976, с. 67—68.

¹⁵ Раевский В. Ф. Вечер в Кишиневе. IN: Пушкин в воспоминаниях современников, *ibid.*, т. 1, с. 360.

Упоминание «генерала О.» (М. Ф. Орлова) также соответствует воспоминаниям Горчакова и Липранди.

Таким образом, предварительные данные по определению времени «Разговора в Кишиневе» (но не о времени его написания) дают нам основания считать, что подобная беседа могла происходить сразу как в середине марта, так и после 22 апреля, когда капитану Раевскому был присвоен новый чин майора, но до отъезда Пушкина в Одессу (10 мая).

Определение же времени написания этого «Разговора» зависит от истории «наполеоновской темы» в творчестве Пушкина во время его пребывания в Кишиневе, ибо только она и могла «спровоцировать» В. Ф. Раевского на написание «критической статьи». А о том, что «наполеоновская тема» с конца 1820 г. и до мая 1821 г. находилась в центре внимания кишиневского общества, сказано было уже достаточно. Вместе с тем, вопреки установившемуся в пушкинистике мнению, авторское свидетельство в письме Пушкина к А. И. Тургеневу от 1 декабря [1823 г. Одесса], кажется не только вполне достоверным, но и решающим при определении датировки «критической статьи» В. Ф. Раевского: «К стати о стихах: вы желали видеть оду на смерть N. она не хороша, вот вам самые сносные строфы:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И Галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир...

.....
...Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил
Помчал к боям их ополченья
Их цепи лаврами обвил.

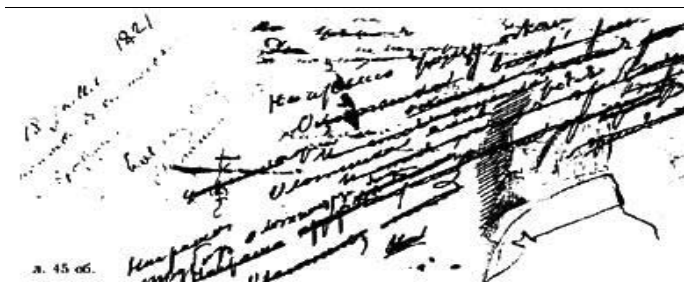
Вот последняя:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный кто в сей день
Безумным возмутит укором

Твою развенчанную тень!
Хвала! Ты Русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака жизни завещал —

Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года...» (Модзалевский (т. XIII, с. 78—79). Ученые поправили поэта: «„Ода на смерть N.“ — ода „Наполеон“, написанная Пушкиным не „в начале“ (как он пишет Тургеневу), а в июле 1821 г., по получении известия о смерти Наполеона, последовавшей 23 апреля ст. стилия 1821 г.» (Модзалевский, т. 1, с. 294). И все-таки Пушкин был прав.

Во-первых, он вовсе не утверждал, что вся ода была им написана «в начале 1821 года», а сообщал только, когда им «писана» была последняя строфа («Да будет омрачен позором...»). Во-вторых, история текста оды «Наполеон» всеми исследователями была спроецирована на запись Пушкина от 18 июля 1821 г., в то время как черновики оды, сохранившееся в рабочих тетрадах, свидетельствуют о разных замыслах в начале 1821 г. и после 18 июля. Несомненно только одно, известие о смерти Наполеона объединило эти замыслы в один. А то, что текст, впоследствии перебеленный в качестве оды «На смерть N.» и опубликованный в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826), стал соотносим непосредственно с «известием» о смерти, к истории текста оды не имеет никакого отношения. К сожалению, запись Пушкина о смерти Наполеона («18 juillet Nouvelle de la mort de Napoléon», ниже запись о бале у «архиерея Армении»), которая присутствует на л. 45 об. в ПД, № 831, была однозначно интерпретирована учеными: о смерти Наполеона Пушкин узнал 18 июля 1821 г.

Следовательно, решили пушкинисты, историю стихотворения «На смерть Наполеона» следует соотносить с этой датой, а интерпретация французского слова *nouvelle* («новость», «весть, известие») оказалась во всех работах однозначно «привязанной» к словосочетанию «стало известно»: Наполеон умер на о. св. Елены 5 мая (н. ст.) 1821 г.

«В Кишинев, — писал Б. В. Томашевский, — известие о его смерти пришло только через три месяца: Пушкин отметил получение новости 18 июля (ст. ст.)»¹⁶, то есть 30 июля по новому стилю. Возможно, Б. В. Томашевский чувствовал какое-либо «неудобство» в подобной трактовке и, чтобы сократить «цифровое» давление, он указал смерть Наполеона по новому стилю, а известие, «полученное» Пушкиным — по старому.

Напомню, что 23 апреля (по ст. ст.), «в день смерти Наполеона», решетка «вокруг колонны (Вандомской — С. III.) увенчивалась венками»¹⁷, а весть «о смерти изгнанника на краю света с невероятной для того времени быстротой облетела весь мир»¹⁸.

Уже во время заседания конгресса в Лайбахе «было получено известие о смерти Наполеона. Это внесло некоторое успокоение в среду членов Священного союза»¹⁹. А. П. Ермо-

¹⁶ Томашевский Б. В. Пушкин, *ibid.*, т. 1, с. 557.

¹⁷ Иванов Ив. Люди и факты западной культуры. М., 1898, с. 181.

¹⁸ Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994, с. 260.

¹⁹ См.: История СССР. Под ред. проф. М. В. Нечкиной. М., 1949, т. 2, с. 117. В. В. Кунин без приведения каких-либо доказательств писал: «Что же касается Наполеона, то после известия о его смерти (15 мая 1821 г.) Пушкин написал иное стихотворение...». См.: Жизнь Пушкина. Сост., вступит,

лов, подчеркнув, что «возникшая в Неаполе революция по- нудила союзных государей продолжать конгресс, и дабы на- ходиться ближе к месту происшествий, перенесли оный в го- род Лайбах», вспоминал: «Я получил высочайший рескрипт и приказание приехать в Лайбах... В конце апреля месяца приехал я в Лайбах. Революция в Неаполе совершенно пре- кратилась... Государь 1-го мая отправился в Петербург»²⁰. Следовательно, о смерти опального императора знали и все сопровождавшие царя. Кишинев отстоял от Лайбаха на три «почтовых дня». Об этом свидетельствовала официальная переписка. «Попечитель» Пушкина генерал Инзов, получив письмо Каподистрии (Caro d'Istria) от 14/26, отвечал ему 28 апреля в Лайбах: «Пушкин... ведет себя хорошо...». На пись- ме помета о получении: «7600 — 1 Мау 1821 » (Н. Тархова, т, 1, с. 244). Следовательно, письмо из Кишинева до Лайбаха доходило за трое суток.

Участие Каподистрии в смягчении судьбы Пушкина хо- рошо известно — в том, что его действия не окончились от- меной «командировки» в Бессарабию, «виновато» было... гре- ческое восстание. Лайбахский Конгресс закончился 29 апре- ля, а 1 мая (в день получения Каподистрией письма от Инзо- ва) русский император отправился из Лайбаха в обратный путь²¹.

Думается, что Новороссийский наместник генерал Ин- зов мог получить известие о смерти Наполеона еще до отъез- да Пушкина в Одессу.

Современный исследователь отмечал, что о «кончине поверженного императора сообщили почти все русские жур- налы», указав, что «появились и публикации публицистиче- ского характера, однако все они... составлялись из переводно- го материала, как, например, отрывок из „газет лондонских“»,

очерки и примеч. В. В. Кунина: В 2-х тт. М., 1987, т. 1, с. 401.

²⁰ Записки А. П. Ермолова (1798—1826). М., 1991, с. 371—372.

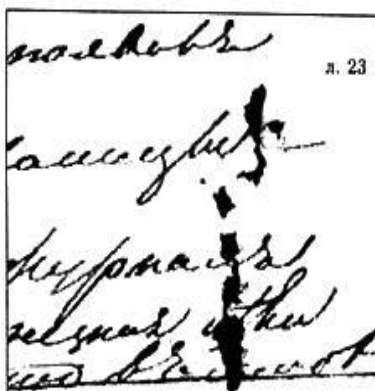
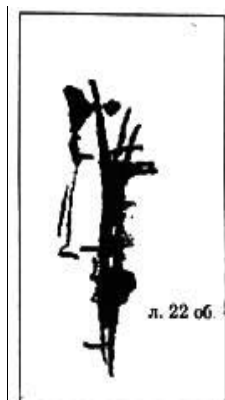
²¹ См.: Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999, с. 201.

помещенный в „Вестнике Европы“: «Наполеон не живет более на земном шаре...» («Вестник Европы», № 14, с. 159)»²².

Этот номер «Вестника Европы» датируется концом июля 1821 г.

Кроме того, в Одессе с 1820 г. трижды в неделю выходила коммерческая газета на французском языке (издатель Давалан), а с 1821 г. она стала издаваться и на русском языке под названием «Вестник южной России» (впоследствии «Одесский вестник»). Сообщение о смерти Наполеона, возможно, было напечатано в ней как раз во время пребывания Пушкина в Одессе, куда он приехал из Кишинева 10–12 мая.

В ПД, № 831 на обороте л. 22, на котором Пушкин написал «Эпилог» к поэме «Кавказский пленник» и проставил теми же чернилами дату «Одесса 1821 (исправлено из 1820. — С. III.) 15 мая», Пушкин набрасывает профиль Наполеона (л. 22 об). След «вертикального» зачеркивания четко отпечатался на л. 23:

Сходство «этюда» и портрета (л. 22 об. и л. 45 об.), как и отпечаток «этюда» на следующем листе (л. 23), дают основания считать, что профиль Наполеона, по-видимому, Пушкин набросал также 15 мая.

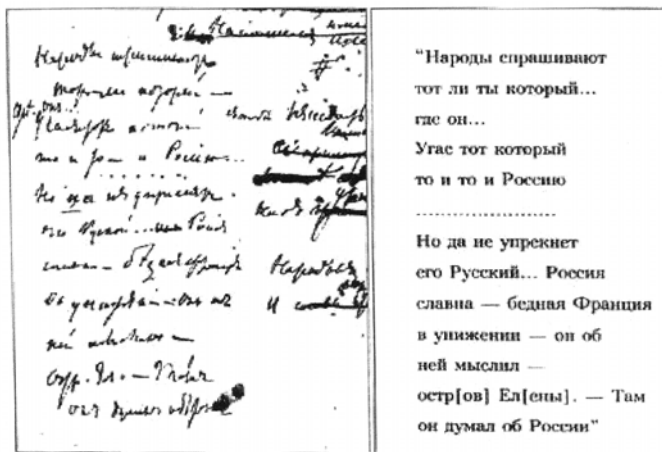
²² Цит. по: И. В. Немировский. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003, с. 111.

Если это было так, то запись Пушкина от 18 июля 1821 г. надо переводить несколько иначе, поскольку она свидетельствовала не о времени, когда Пушкин узнал о смерти Наполеона («известие» = «стало известно»), а о получении Пушкиным каких-либо дополнительных подробностей в качестве «новости» («nouvelle») о смерти императора.

И. П. Липранди вспоминал: «...к Орлову, когда он уже женился на Екатерине Николаевне Раевской (т. е. в марте-июле 1821 г. — С. III.), приезжали и гостили Раевский, Давыдовы и родной брат его Федор Федорович и т. д. Раевские были всею семьею в июле 1821 года и сам Николай Николаевич, а на четыре дня приезжали Александр и Василий Львовичи Давыдовы; с ними, проездом в Одессу, заезжали киевские знакомцы Михаила Федоровича, граф Олизар и Швейковский; из Вильны в то же время Валеvский и Ромер, также знакомые генерала по ежегодному их приезду на Киевские контракты. Пушкин все четыре дня провел у генерала...»²³. Так что новостей не только «из газет лондонских» было, кажется, предостаточно. Поэтому вряд ли следует считать, что сама смерть Наполеона была «новостью». Итак, не ранее 15 мая в Одессе, судя по «зачеркнутому профилю» Наполеона на л. 22 об., Пушкин узнал о смерти императора. Возвратился же он в Кишинев из Одессы не ранее 26 мая (Н. Тархова, т. 1, с. 500, прим. 240). А в июне—июле 1821 г. от многочисленных гостей генерала Орлова он мог услышать нечто новое о смерти Наполеона. К этому же времени относят и портреты на полях рукописи ПД, № 46 — А. Н. Раевского, М. Н. Раевской, Е. Н. Орловой и М. Ф. Орлова (см.: Н. Тархова, т. 1, с. 254). Таким образом, если согласиться с тем, что речь в записи Пушкина от 18 июля 1821 г. идет о «новости» в связи со смертью Наполеона, а не об известии о ней, то, естественно, история текста стихотворения «Наполеон» оказывается также несколько иной, чем она представлялась всем исследователям.

²³ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, *ibid.*, т. 1, с. 295—297.

Р. В. Иезуитова, описывая историю заполнения ПД, № 833, следующим образом задала текстологическую сводку о рукописях стихотворения «На смерть Наполеона»: «В два приема... была записана... ода «На смерть Наполеона», занимающая л. 21—21 об. Тетрадь ПД № 833 дает первоначальную редакцию оды. Черновой автограф „Наполеона“ (ПД № 831, л. 62—65 об.)... датируется сентябрем-первыми числами ноября 1821 г... Беловая редакция стихотворения в нашей тетради не поддается точной датировке и на основании имеющих в ней дат может быть отнесена ко времени между 21 июня 1822 г. и 23 октября 1823 г., которым датировано стихотворение «Ночь»... Правка текста белого автографа оды «На смерть Наполеона» произведена иным, более мелким почерком (скорописью) и более темными чернилами и, вне всякого сомнения, относится к осени 1824 г., когда Пушкин включил в состав текста оды две строфы из стихотворения «К морю» и сильно переделал строфу «И все, как буря, закипело». Таким образом, ПД № 833 дает и вторую беловую редакцию стихотворения, датируемую началом октября 1824 г.»²⁴. Однако нельзя не обратить внимание на то, что автограф «плана» оды на л. 62 об. в ПД № 831 резко отличается от записанного сверху черновика одной из строф:

²⁴ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 833: (История заполнения). IN: Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995, т. XV, с. 248.

Пушкинский значок-помета #, без всяких сомнений, свидетельствует, что верхняя половина листа заполнялась после того, как под этим значком был записан «план».

Вместе с тем, после вырванного из тетради л. 63 а, на всех черновиках стихотворения (л. 63—65 об.) Пушкин ни разу не употребил по отношению к Наполеону местоимение в третьем лице — «он». Более того, именно в этих черновых строфах при дальнейшей работе над одой Пушкин везде заменял местоимение второго лица «ты» на третье — «он», хотя подобное обстоятельство может быть интерпретировано по-разному. По крайней мере, последовательность появления черновиков стихотворения на лл. 63—65 могла бы предшествовать «плану» на л. 62 об. В этом случае обращение на «ты» содержало в себе возможность обращения не только к умершему, но и к еще живому императору. Это подтверждает и первичная запись концовки черновика на л. 65 об.:

«С утесов Эльбы заве<щ>ал» — именно тот пушкинский анахронизм, благодаря которому замысел стихотворения о Наполеоне мог возникнуть у Пушкина вне всякой связи с записью об его смерти 18 июля 1821 г. и на фоне его споров с М. Ф. Орловым в начале года и с В. Ф. Раевским в марте—апреле 1821 г. Более того, пушкинская концовка «С утесов Эльбы...» и критика Раевским лицейских стихов Пушкина («Ма и о р. Повтори... Ну, любезный друг, ты хорошо читаешь, он хорошо пишет, но я слушать не могу! На Эльбе ни одной скалы нет!»), — повидимому, были взаимосвязаны.

Кстати говоря, остров гористый, что подтверждает фотография острова, сделанная мною во время путешествия на Эльбу в 2004 г.

Переписывая набело после 18 июля 1821 г. в рабочую тетрадь ПД, № 833 стихотворение о Наполеоне, Пушкин, с одной стороны, начал в последних строфах исправлять «ты» на «он», а с другой — заменил остров Эльбу на остров св. Елены: «Со скал Елены завещал».

Трансформ строки «С утесов Эльбы...» на «Со скал Елены...» сохраниться не мог, ибо отсутствие хотя бы и сокращенного слова «св.» («святой») делало словосочетание «скал Елены» не только двусмысленным, но и эфонически неблагозвучным («С-о скал» как «С_оскал»). Поэтому на следующем этапе работы Пушкин находит окончательный вариант: «Из мрака ссылки завещал».

Итак, говоря об истории текста стихотворения «Наполеон», возможно, следует согласиться с указанием Пушкина из письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря [1823 г. Одесса] «...она писана в начале 1821 года...» (ср. Модзалевский, т. 1, с. 65).

То, что эта строфа вошла в окончательный текст первого беловика стихотворения (сентябрь—ноябрь 1821 г.), скорее свидетельствует об общей пушкинской «стратегии творче-

ства»: использовании разновременных и разноосмысленных фрагментов записей отдельных строк и строф при составлении окончательных текстов стихотворений. Однако предложенная нами история текста стихотворения «На смерть Наполеона» по-иному высвечивает и ряд других традиционных представлений. Если согласиться с такой хронологией событий в 1821 г., то оказывается, что ряд из предложенных в свое время комментариев к «трудам и дням» А. С. Пушкина придется пересматривать:

— наполеоновская тема занимала важное место в беседах, переписке и творчестве Пушкина в 1820—1821 годах;

— знакомство с В. Ф. Раевским в марте 1821 г. и споры с ним о Наполеоне не могли иметь места после написания Пушкиным оды «На смерть Наполеона»;

— и, следовательно, «Разговор в Кишиневе» был написан В. Ф. Раевским на основе разговоров весной—летом 1821 г.;

— в это же время (но до записи о смерти Наполеона 18 июля 1821 г.) Пушкин заново приступил к работе над наполеоновской темой.

Как известно, Б. В. Томашевский в 1922 г. предложил считать, что «сочинение во вкусе Апокалипсиса» из письма Пушкина к А. И. Тургеневу от 7 мая 1821 г. является ничем иным как первым иносказательным свидетельством о «Гавриилиаде»²⁵. Фактически только подобная привязка поэмы к «сочинению» из письма Пушкина к А. И. Тургеневу была для Б. В. Томашевского единственным «доказательством» того, что поэма была написана в марте—апреле 1821 г.

В 1926 г. Б. Л. Модзалевский поддержал мнение ученого и в своих комментариях к письму Пушкина «В руце твои предаюся, Отче! вы, который сближены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать на несколько дней (однако ж не более) с моего острова Пафмоса? я привезу вам зато сочинение во вкусе Апокалипсиса и посвящу

²⁵ См.: А. С. Пушкин. Гавриилиада. Ред., примеч. и коммент. Б. В. Томашевский. Пг., МСМХХІІ, с. 45.

вам, христоролюбивому пастырю поэтического нашего стада...» — (т. XIII, с. 29) писал: «Под жителями Каменного Острова Пушкин разумеет императора Александра... а также министров, проводивших лето на Каменном Острове вблизи царя... Пафмос или Патмос — остров, служивший у римлян местом ссылки; сюда, между прочим, был сослан апостол Иоанн, написавший здесь «Апокалипсис»; сочинение Пушкина «во вкусе Апокалипсиса» — поэма «Гавриилиада» (см. ниже, в письме от 1 сентября 1822 г.)). Почти дословно такую же фразу повторил Пушкин и через 9 лет — в письме к Погодину от октября—ноября 1830 г. из Болдина: «Посылаю вам из моего Пафмоса „Апокалипсическую песнь“» (Письма, т. 1, с. 223).

Вместе с тем, спустя два года Б. Л. Модзалевский в комментариях к письму Пушкина из Болдина уже не был столь уверен (т. е. в 1928 г.): «...тогда это была, вероятно, „Гавриилиада“; теперь же он послал Погодину свое стихотворение „Герой“, вызванное дошедшим до Болдина известием о приезде в холерную Москву Николая I» (Письма, т. 2, с. 474).

По всей видимости, «вероятно» Модзалевского было вызвано абсолютной несхожестью поэмы «Гавриилиада» со стихотворением «Герой». Но дальше этого предположительного «вероятно» он не пошел, а за «Гавриилиадой» так и закрепилось пушкинское определение «во вкусе Апокалипсиса».

Кажется, это было ошибкой как Б. В. Томашевского, так и Б. Л. Модзалевского. Напомню, что само «греческое слово „апокалипсис“ вошло во многие языки как синоним мировой катастрофы»²⁶. Поэтому история, изложенная в «Гавриилиаде», ни по одной из своих сюжетных составляющих не может быть сопоставлена с апокалиптическими «видениями». Следовательно, эта поэма и не могла получить у Пушкина определение «во вкусе Апокалипсиса». А среди многочисленных произведений, которые писал Пушкин в Кишиневе

²⁶ См.: Витковские М. Г. и В. Е. Иудейская и христианская апокалиптика. IN: Апокрифические апокалипсисы. СПб., 2000, с. 5.

ве в марте—мае 1821 г., черновики о Наполеоне с описаниями его нашествия на Россию — действительно, «апокалиптические».

(Повторение «почти дословно» этой же фразы в 1830 г. при посылке М. П. Погодину стихотворения «Герой», содержащий сюжетный элемент апокалиптики — чума в Яффо и холера в Москве, — делает догадку по отношению к «Наполеону» еще более справедливой.)

Но, во-первых, Пушкин в письме к Дельвигу от 23 марта 1821 г. («...о путешествиях Кюх...[ельбекера] слышал я уж в Киеве. Желая ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения, об духе любви я не беспокоюсь» — Пушкин, т. XIII, с. 25), использует также церковную лексику: «В руце твои предаюся, Отче!».

Во-вторых, он пишет о «сочинении», а не о поэме.

В-третьих, это «сочинение», которое он привезет (Пушкин не сообщает Тургеневу, что он уже написал), явится «платой» за то, что «сближенный с жителями Каменного Острова» директор Департамента по делам религий (А. И. Тургенев) сможет «вытребовать на несколько дней» автора.

В-четвертых, кажется, что в таком контексте «сочинение во вкусе Апокалипсиса», которое Пушкин к тому же собирается посвятить «христолюбивому пастырю поэтического нашего стада», абсолютно благонамеренно и допустимо для показа кому бы то ни было, в том числе и «жителям Каменного Острова». О невозможности этого для «Гавриилиады» говорить не приходится.

Вместе с тем, судя по черновику письма Пушкина «к арзамасцам» (с аллюзиями на псалом), упоминание об Апокалипсисе в окружении таких слов, как «руце», «христолюбивый пастырь», «наше стадо» — могло появиться и само по себе вне «Гавриилиады» или же какого-либо другого «сочинения» Пушкина.

Как бы там ни было, но письмо Пушкина к Тургеневу никаким образом не было связано с «Гавриилиадой», поэто-

му оно и не может быть использовано при определении времени написания «кощунственной поэмы»²⁷.

Пушкин и Баратынский^A

Памяти А. М. Пескова

1

Весной 1821 г. Пушкин работал над несколькими черновиками, не представляющими общего замысла. Переходя в своей работе от одной тетради к другой и возвращаясь к предшествующей, Пушкин вовсе не собирался «запутать» будущих исследователей его творческого наследия. Использование во время работы «чистого пространства» тетрадей при той сложнейшей системе размышлений над разными по материалу, по жанру и по задачам замыслами, было абсолютно стохастическим. Но именно поэтому текстологическое описание одного чернового замысла требует от нас не только правильного прочтения и составления допустимой транскрипции его, но и понимания процессуальной логики пушкинского творчества, для которого разделения на «записную книжку 1820—1822 гг.», «первую кишиневскую» или «вторую кишиневскую» тетради просто не было. И чтобы прочитать черновики Пушкина, мы должны исходить из целостности всего сохранившегося художественного материала.

Анализ сохранившихся разных стихотворных замыслов в ПД 830, ПД 831 и ПД 832, объединенных «реконструкторами» (Бонди, Томашевским, Фомичевым) в один как замысел

²⁷ Первым на ошибку Б. В. Томашевского указал В. С. Листов: «У Пушкина нет ни малейшего основания называть „Гавриилиаду“ сочинением во вкусе Апокалипсиса». См.: Листов В. С. Миф об «островном пророчестве» в творческом сознании Пушкина. IN: Легенды и мифы о Пушкине. Под ред. М. Н. Виролайнен. СПб., 1999, с. 203.

^A Глава «В кругу семей...» (см. TSQ 31) должна разделять главы «Из мрака» и «Пушкин и Баратынский».

«послания «Зеленой лампе», позволяет выдвинуть разные альтернативы установившейся традиции. Эти альтернативные по отношению к существующим представлениям решения фактически позволяют деструктурировать все «предположительные реконструкции» и публиковать каждый из черновиков в качестве самостоятельного замысла, хотя и связанного с окружающими замыслами и отразившегося в разных черновиках в процессе сочинения поэтических строк.

Письмо А. С. Пушкина от 26 сентября 1822 г. к Я. Н. Толстому со стихами «Горишь ли ты, лампада наша...» и «предположительная реконструкция» ряда черновиков Пушкина, выполненная С. М. Бонди в 1935 г.²⁸, спровоцировало Б. В. Томашевского на идеологическую гипотезу, закрепленную им в монографии «Пушкин»²⁹ и в «малом академическом» издании собрания сочинений³⁰.

К сожалению, как это часто бывает в литературоведении, концепция «закрыла» от ученого действительную картину, приведя его ко многим искажениям.

События в истории имеют свой порядок.

22 марта 1820 г. на чрезвычайном XI заседании в Вольном обществе любителей российской словесности Кюхельбекер прочитал свое стихотворение «Поэты». Оно было напечатано в апрельском номере «Соревнователя просвещения и благотворения» (т. IX, № 4, с. 77—78):

О Дельвиг, Дельвиг! что награда
И дел высоких, и стихов?
Таланту что и где отрада
Среди злодеев и глупцов?

.....
Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастье твердый,
Союз любимцев вечных муз!

²⁸ Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе», *ibid.*, с. 33—52.

²⁹ Б. В. Томашевский. Пушкин, *ibid.*, кн. 1, с. 193-234.

³⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 10 тт., *ibid.*, 1965, т. II.

О вы, мой Дельвиг, мой Евгений!
С рассвета ваших тихих дней
Вас полюбил небесный Гений!
И ты — наш юный Корифей, —
Певец любви, певец Руслана!
Что для тебя шипенье змей,
Что крик и Филина и Врана? —
Лети и вырвись из тумана,
Из тьмы завистливых времен.

Словечко «союз», как заметил А. М. Песков, «было в те годы так же на языке, как — конституция и общество, причем на языке у всех: священный союз, союз благоденствия, союз истинных и верных сынов отечества, союз — свободный, радостный и гордый, союз — вольнодумный и развратный, союз — подозрительный и опасный»³¹.

Молва и печать утвердили союз поэтов. Апрельские доносы В. Н. Каразина министру внутренних дел В. П. Кочубею довершили трансформацию «любимцев вечных муз» в антиправительственный союз «недоброжелателей отечества»³².

В письме к П. А. Вяземскому в Варшаву в конце апреля 1820 г. Пушкин, отмечая, что «век наш не век поэтов», доверительно писал: «Петербург душен для поэта, я жажду краев чужих» (т. XIII, с. 15).

6 мая 1820 г. Пушкин покинул Петербург и по «служебной надобности» отправился на юг, а в августе 1820 г. В. К. Кюхельбекер уехал в качестве секретаря при канцлере российских орденов обер-камергере А. Л. Нарышкине в Париж. Унтер-офицер Нейшлотского пехотного полка Е. А. Боратынский находился в Финляндии, изредка наезжая в Петербург.

Поэма «Руслан и Людмила» никого не оставила в покое — и весь 1820 г. был наполнен критиками и антикритиками. Пушкин путешествовал: Крым, Кавказ, Киев, Каменка. Лишь в сентябре он наконец добрался до Кишинева, и в пер-

³¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 10 тт., *ibid.*, 1965, т. II.

³² А. М. Песков. Боратынский. Истинная повесть. ЖЗЛ, М., 1990, с. 157.

вом же (дошедшем до нас) письме из Кишинева от 24 сентября 1820 г. к брату спрашивал: «Будешь ли ты со мной?.. благодарю тебя за стихи; более благодарил бы тебя за прозу... Обними же за меня Кюхе<ль>б<екера> и Дельв.<ига>... Пиши мне обо всей братьи» (т. XIII, с. 19-20).

В ноябре 1820 г. по просьбе А. Л. и В. Л. Давыдовых И. Н. Инзов разрешил Пушкину поездку в село Каменка³³.

Покинув Кишинев ради «аристократических обедов» и «демагогических споров», Пушкин 4 декабря 1820 г. писал Гнедичу: «Некоторые №-ра Сына доходили до меня... Согласен со мнением неизвестного эпитаграммиста — критика его для меня ужасно как тяжка... Обнимаю с братским лобзанием Дельвига и Кюхельбекера. Об них нет ни слуха, ни духа — журнала его не видал; писем также» (т. XIII, с. 21).

Пробыв в отпуске до конца февраля 1821 г., Пушкин в начале марта возвратился в Кишинев и 23 марта 1821 г. — в первую годовщину чтения Кюхельбекером «Поэтов» — Пушкин начал письмо к А. А. Дельвигу стихами:

Друг Дельвиг, мой парнасский брат!
Твоей я прозой был утешен;
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад...

.....
Наскуча Муз бесплодной службой,
Другой богиней, тихой Дружбой
Я славы заменил кумир,
Но все люблю, мои поэты,
Фантазии волшебный мир...

Письмо к лицейскому другу было вложено в письмо к Н. И. Гнедичу от 24 марта и оно так же, как и первое, начиналось стихами. Среди них были и такие:

Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца,

³³ См.: В. Базанов. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 175—177.

И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья...

Учитывая двойной характер корреспонденции (Дельви-гу и Гнедичу) с упоминанием Кюхельбекера и Карамзина, пушкинское обращение «мои поэты» (во множественном числе внутри стихотворного послания к одному поэту) должно быть оценено по достоинству. И хотя «финский заложник» ни в письмах, ни в стихах пока еще не фигурировал, эту «недостачу» как раз и компенсировал список фамилий, появившийся на л. 1 в ПД 832:

— Катяшину
— Вяземскому
— Таратынскому
~~Дельвигу~~
~~Радневу~~
1. Брату

Фамилия «Баратынский» появилась отнюдь не случайно. И хотя Пушкин, как отметил С. А. Фомичев, до этого момента не переписывался с ним³⁴ и, кажется, не очень интересовался ни творчеством, ни судьбой унтер-офицера из Нейшлотского пехотного полка, расквартированного во Фридрихсгаме, в основе записи Пушкина должно было стоять вполне определенное событие, которое полностью меняло характер их отношений.

³⁴ См.: С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 832: Из текстологических наблюдений. IN: Пушкин. Исследования и материалы, т. XII, Л., 1986, с. 232. «Однако о переписке Пушкина с Баратынским в это время мы не имеем никаких сведений (Пушкин общался тогда с ним через Дельвига)».

Неважно что двигало П. Е. Щеголевым³⁵ и Б. В. Томашевским³⁶ в их устремлениях и приоритетах. Существенно то, что «Зеленая лампа» была не единственным прибежищем Пушкина и его друзей.

Во-первых, независимо от того или иного прочтения черновиков Пушкина неоспоримо, что стихотворное послание в письме к Я. Н. Толстому появилось позже.

Во-вторых, те же самые члены «Зеленой лампы» Ф. Глинка, Н. Гнедич, А. Дельвиг, за исключением С. П. Трубецкого, были членами и другого общества — «Вольного общества любителей российской словесности» (ВОЛРС), которое и по длительности своего существования (с 1816 г. по 1825 г.), и по своей литературной значимости хотя бы как издатель «Соревнователя просвещения и благотворения» (1818-1825) намного превосходило камерность «Зеленой лампы».

В-третьих, список действительных членов ВОЛРС настолько представлен, что вряд ли стоит особо говорить о роли этого общества в литературной жизни того времени: А. Е. Измайлов (с 1818), Ф. Н. Глинка (президент с 16 июля 1819), А. А. Бестужев (с 1820), Н. А. Бестужев (с 1821), В. К. Кюхельбекер (с 1819), А. О. Корнилович (с 1822), К. Ф. Рылеев (с 1819), Н. И. Гнедич (вице-президент с 1821), Е. А. Баратынский (с 1820), Н. И. Греч (с 1818), Ф. В. Булгарин (с 1820), А. А. Дельвиг (с 1820), А. С. Грибоедов (с 1824)³⁷.

После 11 января 1820 г. Баратынский находился в Финляндии. 26 января он был заочно избран в члены-корреспонденты ВОЛРС. На заседаниях общества в 1820 г. им были прочитаны: 19 января — «Послание к Д...гу», «Послание к Кр...ву» («Любви веселый проповедник...»), 23 февраля — «Послание к Л...», 22 марта — «Весна» («Мечты волшебные,

³⁵ Щеголев П. Е. «Зеленая Лампа». IN: Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1908. Вып. 8. XXXVI С. 19-50.

³⁶ Б. В. Томашевский. Пушкин, *ibid.*, кн. 1, с. 193-200. Характерно само название главки: «Зеленая лампа» и Союз Благоденствия».

³⁷ Пушкин в прижизненной критике. 1820-1827. СПб., 1996, с. 497.

вы скрылись от очей...»), 19 апреля — «Финляндия», «Финским красавицам» («Мадригал»), 22 ноября — «слушали в прозе сочинение» Баратынского «О заблуждениях и истине»³⁸, 13 декабря — «Пирры», «Дельвигу»³⁹. Он «на следующий день после того, как... поразил соревнователей „Пирами“, выехал из Петербурга в Мару — чтобы успеть туда к Рождеству»⁴⁰.

К сожалению, писем Баратынского, как отметил А. М. Песков, и писем к Баратынскому за 1820 г. «не сохранилось ни одного»⁴¹.

Наконец, именно в ВОЛРС сформировался «Союз поэтов», в который входили лицейские друзья Пушкина и сдружившийся с ними Е. А. Баратынский, чьи публикации в близком ВОЛРС «Сыне Отечества» и в «Соревнователе» стали фундаментом его литературной славы.

Личное знакомство обоих поэтов, если верить Н. А. Маркевичу, состоялось, скорее всего, в 1817 г. (а не в 1818 г.⁴²). По крайней мере, на квартире у В. К. Кюхельбекера 31 октября 1817 г. ученик Благородного пансиона Н. А. Маркевич был представлен А. А. Дельвигу, Е. А. Баратынскому и Пушкину⁴³. Однако по воспоминаниям В. П. Гаевского, знакомство и начало общения Пушкина с Е. А. Баратынским началось в период 1818-1820 гг.: сперва на субботних вечерах у В. А. Жуковского, затем Баратынский вместе с Дельвигом навестил больного Пушкина (февраль-март 1819 г.), а в 1820 г. они виделись на квартире Кюхельбекера, жившего на Конюшенной⁴⁴.

³⁸ Ср.: Личное знакомство Пушкина и Баратынского «началось еще в 1818-1819 г. в Петербурге». (А. С. Пушкин. Письма. В 3 тт. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.-Л., 1928, т. 1, с. 239).

³⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 тт., *ibid.*, т. 1, с. 124—125.

⁴⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, *ibid.*, т. 1, с. 142, 149 и 170.

⁴¹ См.: А. М. Песков. Боратынский, *ibid.*, с. 149—159.

⁴² В. Базанов. Ученая республика, *ibid.*, с. 390.

⁴³ А. М. Песков. Боратынский, *ibid.*, с. 168.

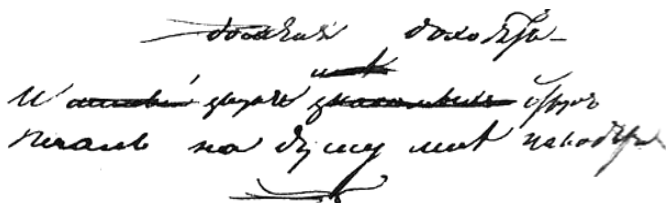
⁴⁴ А. М. Песков. Боратынский, *ibid.*, с. 160.

На «воздушных путях» Баратынский пересекался с Пушкиным до его отъезда на юг из Петербурга в разных номерах (январь—апрель) 1820 г. «Невского зрителя», а в «Сыне Отечества» их публикации вместе появились уже летом и осенью 1820 г., хотя тоже в разных номерах.

Таким образом, на этой стадии их знакомство и общение было весьма индифферентным.

Однако, как признавался Пушкин в <<Заметке о «Графе Нулине»>, бывают «странные сближения». Мы не знаем, когда Пушкин познакомился с «Пирами» Баратынского, но одно то, что чтение «Пиров» Н. И. Гнедичем 22 февраля и последующая их публикация в марте («Соревнователь просвещения и благотворения», т. XIII, ч. III, с. 385-394) совпали по времени с появлением списка фамилий в рабочей тетради Пушкина и его письмами к Дельвигу и Гнедичу, обосновывает интерес к этим событиям.

Черновой зачин, датированный мной временем составления списка фамилий на л. 48 об в ПД 831, прочитывается достаточно уверенно:

до меня доходит
И [милый] звуки з[накомых] струн
Печаль на душу мне наводит

С. М. Бонди посчитал первый отрывок как «неполный и имеющий вид вставки куда-то»⁴⁵:

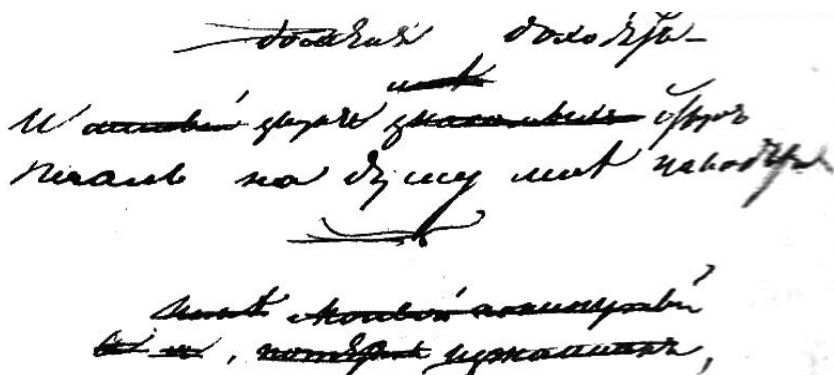
до меня доходит
И [милый] звуки з[накомых] струн
Печаль на душу мне наводит

Сперва Пушкин над второй строкой сразу же записал «мне», но при появлении третьей строки, в которой уже было это местоимение, вычеркнул его. Видимо, тогда же он

⁴⁵ С. М. Бонди. Черновики Пушкина, *ibid.*, с. 97.

исправил «звук» на «звуки», вычеркнул эпитет «знакомых», который к «струнам» не подходил.

Знаки вставки «куда-то» этого фрагмента ~~и~~ и ~~и~~ в рукописи присутствуют, но их неопределенность не позволяет нам достоверно «реконструировать» место, в котором этот фрагмент заполнял бы какую-либо поэтическую и логическую лауну. Остается только констатировать, что три стиха появились на л. 48 об. сразу же после строк, имевших отношение к «Бахчисарайскому фонтану». Почерки двух фрагментов, ставших материалом для «реконструкций», достаточно различны: в первом более крупный, чем во втором; расстояния между словами в первом почти одинаковые и записаны на одной линии, в отличие от второго, более быстрого и неровного:

Создается впечатление, что между записями обоих фрагментов, скорее всего, был временной перерыв. А поскольку первые строки «Наве», «Молвой покинутый», «А я» и «потерянный изгнанник» вычеркнуты, по всей видимости сразу же по их написанию, можно утверждать, что в этот момент у Пушкина никакого плана сочинения не было. Впрочем, не было и никакого целевого предназначения — послание, элегия или что-либо другое.

Где ты

Где ты

Где ты

Где ты

Где ты

Где ты

Где ты

«Как видим, — писал С. М. Бонди, — вслед за новосочиненными стихами Пушкин показывает начала стихов «Горишь ли ты, лампада наша», причем порядок начальных стихов этого послания здесь указан иной, чем в известном нам беловом тексте»⁴⁷.

Дело не столько в порядке строк, сколько в том, как оценивать черновик: новосочиненные строки писались тогда, когда «существовали в готовом виде стихи «В изгнаныи мрачном каждый час. — Горя завистливым желаньем...»... к которым и сочинял Пушкин начало»⁴⁸. Шесть строк (у седьмой строки: «Где ты» нет аналога ни в черновиках, ни в беловике) — известные нам только из белой редакции послания «Горишь ли ты» — несомненно, интерполировались в черновик, который появился на л. 49 в ПД 831 раньше письма к Я. Н. Толстому. Конечно, можно сослаться на какие-то недошедшие до нас черновики, вырванные или утерянные листы и т. п. Но при этих предположениях проблемы остаются, ибо текстолог имеет дело не с надуманными фикциями, а с материалом. Вот почему каким бы спорным ни было решение, построенное на хронологии материала, оно все равно

⁴⁷ С. М. Бонди. Черновики Пушкина, *ibid.*, с. 98.

⁴⁸ С. М. Бонди. Черновики Пушкина, *ibid.*, с. 98.

предпочтительней неоправданных гипотез. И последнее: семь строк записаны после отдельных черновиков и, скорее всего, представляют план их продолжения, а не припоминание отсутствующих в черновиках стихов, как посчитал С. М. Бонди (это вовсе не означает, что они не хранились в сознании Пушкина).

Если черновик на л. 48 об. в ПД 831 появился в февралемарте 1821 г., то «план» на л. 49, по-видимому, связан с первым упоминанием «Зеленой лампы» в письмах Пушкина. К этому времени и относится фиксация «плана» на л. 49 в ПД 831. Но об этом скажу после.

Мартовские черновики 1821 г. в ПД 831 свидетельствуют о стихотворном замысле, пока еще абсолютно не связанном с будущим посланием «Зеленой лампе». Их отдельность и самостоятельность от черновиков в записной книжке (ПД 830) смысловая.

Пушкин начинает с того, что до него «доходит» звук «[знакомых] струн». А по-скольку певцы «давно разлучены», естественно, их лиры не славят «[Пиров] любви» и «Умы тоской омрачены».

В «Пирах» Баратынский тоже отмечал⁴⁹:

И где ж вы, резвые друзья,
Вы, кем жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой...

А его строки, обращенные к Пушкину —

Ты, Пушкин наш, кому дано
Петь и героев, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца верным знатоком
И лучшим гостем за бутылкой —

⁴⁹ Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951, с. 326—327.

могли бы — при достоверном знании о знакомстве Пушкина с «Пирами» — содержаться в подтексте пушкинской правки с заменой «сердца» на «умы» в последней строке черновика на л. 48 об. («[Сердца] Умы тоской омрачены»).

После л. 48 об. ПД 831 шел вырванный из рабочей тетради лист, на корешке которого нет следов этого черновика и, видимо, Пушкин тогда же продолжил работу на л. 49. Минорность и меланхоличность черновых строк («[Молчат пиры]», «[Младых пиров]») на этом листе — «утихли смехи», «Утих безумства вольный глас», «любовницы забыли нас» — также кажутся откликами на стихи Баратынского:

Что ни ласкало встарину,
Что прежде сердцем ни владело,
Подобно утреннему сну,
Все изменило, улетело...

Эти параллели были бы, конечно, правдоподобнее, если бы у нас было документальное подтверждение того, что Пушкину были известны «Пирыв» Баратынского в начале 1821 г. Вместе с тем, несмотря на отсутствие подобного свидетельства, тема разрабатываемого в черновиках какого-то замысла на листах в ПД 831 отменяет решение «реконструкторов» об их связанности с посланием «Зеленой лампе», а значит, и включение этих строк в «предположительную реконструкцию» неправомерно.

Пушкин бросил разработку начатого замысла по нескольким причинам: 1) ассоциативная сближенность с «Пирами» Баратынского не могла не вызвать и сближенности с «одой» Кюхельбекера «Поэты», а вместе с ней и воспоминаний о «союзе поэтов», что было не очень желательно в «пустынях Молдавии» и несколько нарушало обещание, данное Карамзину перед отъездом на юг; 2) похожесть на стихи Баратынского черновых строк Пушкина превращало замысел в подражание; 3) элегическая минорность строк о петербургских пирах никак не отражала минорности кишиневской жизни и была поэтому «вчерашним днем» поэта А. С. Пушкина.

Именно в силу этих причин Пушкин, отказавшись от первоначального замысла, видоизменил его.

В письме к брату от 27 июля 1821 г. Пушкин вопрошал: «Если ты в родню, так ты литератор (сделай милость не поэт): пиши же мне об новостях нашей словесности... что делает Катенин? он ли задавал вопросы Воейкову в С.<ыне> О.<течества> прошлого года? Кто на ны?» (т. XIII, с. 30—31). В этом же письме он просит забрать у Н. В. Всеволожского «число экземпляров... сочинений... (буде они напечатаны)... экземпляров 30». Пушкин также просит передать Н. В. Всеволожскому: «Скажи ему, что я люблю его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, Лампу его — и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова — пожелай здравия калмыку⁵⁰ — и напиши мне обо всем» (т. XIII, с. 31).

Последнее в этом году письмо от 21 сентября Пушкин послал Н. И. Гречу: «Дельвигу и Гнедичу пробовал я было писать... забвеньё — естественный удел всякого отсутствующего; я бы и сам их забыл, если бы жил с эпикурейцами...» (т. XIII, с. 32).

Несколько месяцев являются не только разделителями разных замыслов в марте-апреле и в июле-августе, но и содержат разнородные признаки пушкинского поэтического опыта.

Воспользовавшись шутливой стилистикой «Пиров» Баратынского, Пушкин преобразовал былую минорность в мажорность обращения к «друзьям-обжорам» (см. зачеркнутый вариант «Я вижу вас, друзья обжоры») и к «шалунам». Конкретика «гостеприимного приюта» подсказала Пушкину конкретику характеристик — веселого Амфитриона, его брата — «рекрута Гименя», «прелестного Адониса», «гражданина кулис».

⁵⁰ Рассекречу давно известное всем пушкинистам: калмык желал здравия, если кто-то из гостей «пускал ветер» (об этом мне рассказывал В. Д. Левин, ссылаясь на свидетельство Д. Н. Ушакова).

Вместе с этим, Пушкин, желая совместить кишиневскую реальность с воспоминаниями о «бдениях» и «пирах», вынужден был «скатываться» на элегический тон:

Певец любви, опальный странник,
Забыв и лиру, и покой,
Лечу за милою мечтой,
[Где ж отдохну, младой изгнанник]

Необходимо сказать и об использовании готовых «матриц» — их две, и они отмечены: «Прелестный Адонис, — Жилец Пафоса и Киферы, — Любимец ветренных Лаис, — Счастливый баловень Венеры» — конечно, Ф.Ф.Юрьев, которому этими словами Пушкин начал послание в 1818 г.»... Стихи «Но оскорбил я красоту»... по-вторены в стихотворении «Катенину»⁵¹.

«Реконструкторы» легко объединили разнородные замыслы в один. Но их «реконструкция» ставит вполне легитимный вопрос: почему же Пушкин не сделал беловик такого внушительного послания — от 88 и 100 строк (по С. М. Бонди) до 108 строк (по Б. В. Томашевскому), — каким оно представилось пушкинистам? Мне кажется, что ответ кроется в «столкновении стилистик».

Одно дело, если Пушкин вспоминает общество Баратынского, Дельвига, Кюхельбекера:

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,

(Удивительно, но стихи Пушкина были написаны, кажется, для «союза поэтов», а не для «Зеленой лампы» — так они перекликаются со строками из «Пиров» Баратынского:

⁵¹ С. М. Бонди. Черновики Пушкина, *ibid.*, с.107. Послание к Ф. Ф. Юрьеву датируется 1820 г., а не 1818 г.. Кажется, предположение С. М. Бонди, что строки черновика «Катенину» на л. 60 об. после *проставленной* черты являются продолжением предыдущих — не убедительно.

В углу безвестном Петрограда,
В тени древес, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,
Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чинов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало:
Сверкали блески острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.)

И другое дело, если он сидит с Мансуровым, Юрьевым и Всеволожским:

Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры.

В этих коннотациях, присущих разным обществам, по сути дела, и заключалась причина того, что Пушкин почувствовал: никакого «большого» послания ни «Зеленой лампе», ни «союзу поэтов» в черновых набросках не получается — надо было выбирать одно из двух. Но к этому решению Пушкин пришел не сразу и, скорее всего в начале 1822 г.

Принято считать, что на л. 14 об. и 15 в ПД 833 появились беловики стихотворных посланий «Баратынскому» и «Ему же» в январе 1822 г. (датированно Т. Г. Зенгер-Цявловской — т. 2/2, с. 1110—1111).

В письме к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г. Пушкин впервые дает оценку автору «Пиров»: «Вся Лалла-рук не стоит десяти строчек Тристрама Шенди... Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни, и Батюшкова — если зашагает как шагал до сих пор...» (т. XIII, с. 34).

Однако независимо от времени черновой работы над этими посланиями, сам их факт появления в беловом виде в ПД 833 — красноречив: «история заполнения ПД, № 833 свидетельствует, что начиная с 1822 г... тетрадь... становится собранием почти исключительно беловых автографов, а точнее — подготовкой к изданию формирующегося сборника стихотворений 1826 г.»⁵². По сути дела, с этого времени отношение Пушкина к Баратынскому становится восхищенно-уважительным, доходящим до сверхкомплиментарности. Впрочем, история посланий Баратынскому для черновики «предположительной реконструкции» значения не имеет. Но о том, что стихи Баратынского в 1820-1821 гг. присутствовали в сознании Пушкина, необходимо сказать. Об этом свидетельствует история еще одного стихотворения.

В феврале 1821 г. Пушкин приступил к работе в третьей кишиневской тетради ПД 833. На л. 16-16 об. он записал беловик известного стихотворения «А<лексее>ву» («Мой милый, как несправедливы»), которое Т. Г. Зенгер датирует 1821 г. «согласно помете в автографе — 27 числом: предположительно — декабря» (т. 2/2, с. 1108):

The image shows a handwritten manuscript snippet. At the top, there is a line of cursive handwriting that appears to be a signature or a name, possibly 'Алексееву'. Below this, the number '1821' is written in a smaller, simpler hand. The bottom part of the snippet shows a large, stylized signature or flourish.

Р. В. Иезуитова уточнила: «Концом ноября можно датировать и записанную тогда же на л. 13—14 беловую с поправками редакцию послания „Алексееву“ (имеющую авторскую датировку „1821“). Правка сделана более светлыми чернилами. Такими же чернилами произведены зачеркивания и записаны две последние строчки стихотворения. Время правки — подготовка стихотворения к публикации в „Поярной звезде на 1825 г.“ (СПб., 1825)»⁵³.

⁵² См. В. Б. Сандомирская. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним». IN: Временник пушкинской комиссии, 1975. Л., 1979, с. 17.

В первоначальном беловом варианте стихотворения отсутствуют пять стихов между строчками «Мужей обманывать грешно» и «Оставя счастья призрак ложный»:

*Мужей обманывать грешно,
Оставя счастья призрак ложный,
Тех кто ищет в жизни истинной*

Возле этих строк Пушкин на полях поставил знак «+» и сделал помету более светлыми чернилами:

*Мужей обманывать грешно,
Оставя счастья призрак ложный,
Тех кто ищет в жизни истинной*

Помету можно прочесть: «Противъ впи... проз Коншину», а с учетом того, что Пушкин опубликовал это стихотворение в «Полярной звезде» на 1825 г. со вставкой пяти строк и с отсылкой на Баратынского:

Прошел веселый жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
«Нельзя ль найти подруге нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.

Стихотворение Баратынского «Пора покинуть, милый друг» под литерами: «К-ну» («Коншину») было опубликовано после стихотворения «Прощай, Отчизна непогоды» («Отъ-

⁵³ Р. В. Иезуитова. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 833 (История заполнения). IN: Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995, т. XV, с. 247.

езд») в августовском номере «Соревнователя» (т. XV, ч. 8, с. 237) в разделе «Элегии»:

Пора покинуть, милый друг,
Знамена ветреной Киприды...
Оставим юным шалунам
Слепую жажду сладострастья;
Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.
Пресытись буйным наслаждением,
Пресытись ласками Цирцей,
Шепчу я часто с умилением
В тоске задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежней?
Нельзя ль найти подруги нежной?..
.....
Или в печали одинокой
Я проведу...

Семантические отзвуки стихов Баратынского в исследуемых черновиках Пушкина («юным шалунам» — «песни шалуна», «ласками Цирцей» — «Цирцей позабыли нас», «печали одинокой» — «хладная печаль» и т. д.) показательны не с точки фактографической их связанности (заимствовать из этого стихотворения Баратынского в мартовско-апрельский черновик, естественно, Пушкин не мог, поскольку оно стало известно ему лишь после августа 1821 г.), а с точки зрения принципиальной допустимости поэтической сближенности. Усиленная впоследствии прямой цитатой из Баратынского в совсем другом опубликованном тексте Пушкина, эта поэтическая сближенность *de jure* и *de facto* во многом корректирует понимание черновиков «предположительной реконструкции».

Более того, черновики на л. 48 об. и л. 49 (до записанных кратко строк) никакого отношения к «большому стихотворению» не имеют, а их появление в ПД 831 надо соотносить со списком фамилий на л. 1 в ПД 832, датируя мартом-апрелем 1821 г.

Черновики на л. 64 об. и 65, скорее всего, также к «большему стихотворению» отношения не имеют и соотносить их надо с карандашными рисунками и правкой написанных чернилами строк на других листах.

Наконец, черновики на лл. 60-62 (без стихов, посвященных Колосовой) в ПД 830 представляют попытку Пушкина отстраниться от «союза поэтов» и обратиться к реалиям общества «Зеленая лампа». Сочиняя строки нового замысла, Пушкин, вспомнив о черновиках на л. 48 об.-49, на л. 49 в ПД 831 написал только начала еще пока не сочиненных строк. Видимо, эту запись, как и черновики на л. 60-62 в ПД 830, надо датировать зимой 1821 г. — весной 1822 г.

Естественно, что они ему пригодились потом, когда он в письме к Я. Н. Толстому написал беловик стихотворения, посвященного «Зеленой лампе».

Итак, черновики Пушкина представляют два «зачина к замыслу послания друзьям из «союза поэтов» (л. 48 об. — 49 в ПД 831, л. 64 об. — 65 в ПД 830) и переработку этих замыслов в послание «Зеленой лампе» на л. 60-62. В ПД 830 с последующей белой записью в письме к Я. Н. Толстому.

2

Накануне отъезда из Петербурга в 1820 г. Пушкин, вероятно, «в марте — апреле» полупроиграл-полупродал в карты Н. В. Всеволожскому «приготовленную для представления в цензуру рукопись первого сборника стихотворений»⁵⁴.

Через год, 27 июля 1821 г., Пушкин в письме к брату напомнил об этом: «Вот еще важнее: постарайся свидеться с Всеволожским — и возьми у него на мой счет число экзем-

⁵⁴ М. А. Цявловский. Источники текстов лицейских стихотворений. IN: А. С. Пушкин. Стихотворения лицейских лет (1813-1817). СПб., 1994, с. 478. М. А. Цявловский здесь же особо отметил «Все тексты этой тетради написаны рукой писаря. Изготавлилась эта рукопись, вероятно, в ноябре 1819 г.» (с. 476).

пляров моих сочинений (буде они напечатаны), розданное моими друзьями — экземпляров 30» (т. XIII, с. 31).

Спустя полгода, 24 января 1822 г., Пушкин снова писал брату: «Письмо, где говорил я тебе о Тавриде, не дошло до тебя — это меня бесит — я давал тебе несколько препоручений самых важных в отношении ко мне — черт с ними...» (т. XIII, с. 35).

Наконец, 4 сентября 1822 г. Пушкин снова вспомнил о своей рукописи: «Теперь, моя радость, поговорю о себе. Явись от меня к Никите Всеволожскому — и скажи ему, чтобы он ради Христа погодил продавать мои стихотворенья, до будущего года — если же они проданы, явись с той же просьбой к покупщику. Ветренность моя и ветренность моих товарищей надела<ла> мне беды» (т. XIII, с. 35).

В этой ситуации с «полупроданной-полупроигранной» рукописью Пушкин, не очень надеясь на брата, обратился 26 сентября 1822 г. к Я. Н. Толстому: «Милый Яков Николаевич! Приступаю к делу... Я хотел сперва печатать мелкие свои сочинения по подписке, и было роздано уже около 30 билетов — обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никите Всеволожскому, а самому отступить от издания — разумеется, что за розданные билеты должен я заплатить, и это первое условие. Во-вторых признаюсь тебе, что в числе моих стихотворений иные должны быть выключены, многие переправлены, для всех должен быть сделан новый порядок, и потому мне необходимо нужно пересмотреть свою рукопись... Итак, милый друг, подождем еще два, три месяца... Покамест прими мои сердечные благодарения; ты один из всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне... Два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова...» (т. XIII, с. 46-47). После этих строк Пушкин приписал свое стихотворное послание «минутным друзьям минутной младости»: «Горишь ли ты, лампада наша...»

Сугубо деловое начало письма, в котором речь шла о рукописи «мелких сочинений», абсолютное молчание в течение двух лет и шести месяцев всех, за исключением Я. Н. Тол-

стого, «лампистов», благодарность Пушкина бывшему председателю общества «Зеленая лампа», — вот главные обстоятельства письменного автографа стихотворного послания, в котором отсутствовали какие-либо упоминания о конкретных членах общества. Пушкин лишь *после* стихов спрашивал: «Что Всеволожские? что Мансуров? что Барков? что Сосницкие? что Хмельницкий? что Катенин? что Шаховской? что Ежова? что гр.<аф> Пушкин? что Семенова? что Завадовский? что весь Театр?» (т. XIII, с. 48). В этом списке из 14 названных знакомцев Пушкина только четверо — братья Всеволожские (Никита и Александр), П. Б. Мансуров и Д. Н. Барков, не считая Я. Н. Толстого, — были «лампистами». Именно по этой причине оставшиеся в записной книжке ПД 830 на л. 60-62 об. стихи надо считать обыкновенными заготовками текста, посланного Пушкиным в письме от 26 сентября 1822 г., который надо признать аутентичным пушкинскому замыслу. По этой причине черновики послания никакой реконструкции не подлежат. А с «тетрадью Всеволожского» история распорядилась по-своему: Пушкин получил обратно свою рукопись «лишь в марте 1825 г., когда снова занялся приготовлением к печати сборника своих стихотворений»⁵⁵.

Вместе с тем, послание «Зеленой лампе» и «тетрадь Всеволожского» имеют непосредственное отношение к совсем другой теме — Пушкин и Баратынский, точнее, к подготовке обоими поэтами сборников стихотворений к печати.

Из четырех посвященных Баратынскому стихотворений Пушкин опубликовал три: а) «Сия пустынная страна» и б) «Я жду обещанной тетради...» (Северные Цветы на 1826, с. 29), в) «Стих каждый в повести твоей» (Московский Вестник, 1829, ч. 1, с. 108). Одно стихотворение «О ты, который сочел» (1827) осталось неопубликованным.

Высокие оценки таланта Баратынского в письмах Пушкина и черновики его комплиментарных статей «Стихотворе-

⁵⁵ М. А. Цявловский. Источники текстов лицейских стихотворений, *ibid.*, с. 478.

ния Евгения Баратынского 1827 г.» и «Бал Баратынского» вроде бы подтверждали мнение о дружеском расположении Пушкина к Баратынскому.

Однако, ни посвящения Пушкина, ни его высокие оценки творчества младшего собрата по «союзу поэтов» не отрицают ту художественную полемику и поэтическое соперничество, которые всегда присутствуют в творчестве великих современников.

К сожалению, конкретика поэтических переключек при их взаимопересекаемости осталась вне поля зрения историков литературы. А для понимания этой конкретики чрезвычайно важное значение приобретают характеристики знаковых ситуаций.

«Если определить контекст как группу текстов, — писал К. Ф. Тарановский, — содержащих один и тот же похожий образ», то в качестве подтекста выступит «существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте»⁵⁶.

В этой справедливой дефиниции отсутствует одна деталь, на которую указал Б. А. Успенский: «В школе Тарановского принято различать контекстные (взятые поэтом из собственных произведений) и подтекстные образы (почерпнутые из произведений других авторов)»⁵⁷.

Публикации Баратынского и Пушкина в 1819-1825 гг. появлялись в одних и тех же журналах («Соревнователь просвещения и благотворения», «Благонамеренный», «Невский зритель», «Новости литературы», «Мнемозина», «Московский телеграф», «Сын Отечества»), альманахах («Полярная звезда», «Северные цветы», «Царское село») и в газете «Северная пчела». Укажу их количество по годам (первым указываю публикации Баратынского, а затем Пушкина): 3—1 (1819), 10—7 (1820), 22—7 (1821), 4—0 (1822), 10—6 (1823).

Во-вторых, нельзя не вспомнить, что во время короткого пребывания в Петербурге (август 1823 г.) Баратынский заключил с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым контракт на из-

⁵⁶ К. Ф. Тарановский. О Поэзии и Поэтике. М., 2000, с. 31.

⁵⁷ Б. А. Успенский. Анатомия метафоры у Манделштама. IN: Б. А. Успенский. Избранные труды. В 3-х тт. М., 1996, т. II, с. 334.

дание своих стихотворений⁵⁸. В сентябре-октябре Дельвиг гости у Баратынского в Роченсальме. Видимо, после своей поездки в Финляндию Дельвиг написал Пушкину об этом. К сожалению, его послания до нас не дошли.

Зато Пушкин в письме от 16 ноября извещал: «Мой Дельвиг, я получил все твои письма и отвечал почти на все», а затем, солидаризируясь с Дельвигом в его любви к Н. М. Языкову и Баратынскому, заверял барона: «Жду и не дождусь появления ваших стихов; только их получу, заколю агнца, восхваляю господу — и украшу цветами свой шалаш» (т. XIII, с. 74).

Несомненно, для Баратынского издание сборника стихотворений было принципиальным: при очевидном преимуществе журнальных публикаций в 1819-1823 гг. выход из печати книги «финского затворника» мог бы закрепить за автором место первого поэта. Рефлексирующему и сомневающемуся в своих силах Баратынскому первый сборник стихотворений был необходим — вышедший раньше книги Пушкина, он придал бы ему не столько «первородства», сколько обосновывал бы правоту элегического романтика в избранном им поэтическом пути.

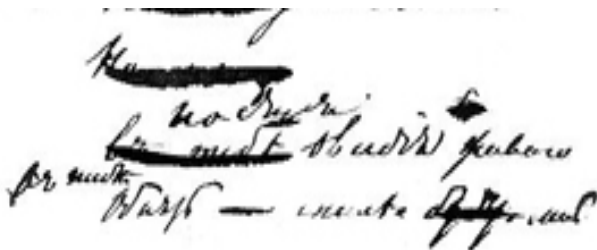
Пушкин же, занятый в 1821-1823 гг. переизданием «Руслана и Людмилы» и печатанием «Кавказского пленника», а потом и «Бахчисарайского фонтана», думал не столько о сборнике стихотворений, сколько о возврате давней рукописи — «тетради Всеволожского». Поэтому, видимо, по следам полученных известий о готовящемся Баратынским издании книги стихотворений, Пушкин записывает набело в «третью кишиневскую» тетрадь два поэтических послания Баратынскому.

Черновой автограф первого стихотворения находится в тетради ПД 832 на л. 1 об. Судя по началу, Пушкин собирался рассказать о себе:

[но я балов]анный дитя
[нрзбр]

⁵⁸ См.: А. М. Песков. Баратынский, *ibid.*, с. 240—246.

еще не совсем понятно течение мысли поэта. Однако черновая концовка автографа транс-формирует замысел:

Отождествление адресата стихотворения с «Овидием живым» теперь требует имени:

[Но призна]<юсь>
[въ тебе] Но друг Овидия живого
Въ тебе Обнять милее [будет] мне

Оно почти очевидно, ибо *только один* из пушкинского круга друзей мог быть сопоставлен с Овидием, по крайней мере, по трем параметрам: адресат должен был быть поэтом, находиться в изгнании и быть автором любовных стихов. При этом читатель этого послания должен был знать и стихотворение Пушкина «К Овидию»:

Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит...
.....
Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их.....
.....
Я вспомнил опыты несмелые твои...
.....
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя...
.....
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой, участью я равен был тебе...

Заверения в том, что субъект текста только *по участи* сравнивал себя с великим римлянином, тем не менее не препятствовали напоминанию, что Овидию принадлежала «Наука Любви» (*Ars amatoria*).

2 января 1822 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Но каков Баратынской?.. Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет» (т. XIII, с. 34). Скандально-точное «эротическое поприще» Баратынского в черновике на л. 1 об. в ПД 832 позволило Пушкину отождествить Овидия с «финским затворником», а тем самым снять с себя возможные обвинения критики в «само-рекламе».

В комментариях «К Овидию» сказано: «Напечатано Пушкиным впервые в альманахе «Полярная Звезда»... на 1823 г... Перебеленный с поправками в тетради ЛБ 2367, л. 14 об. — 16... Беловой — ПД № 41. Этот автограф был послан Пушкиным А. А. Бестужеву при письме от 21 июля 1822. По этому автографу стихотворение и было опубликовано... Четвертый автограф (ПД 41) датируется серединой июня 1822 г.» (т. II/2, с. 1105).

Р. В. Иезуитова, описывая историю заполнения тетради ПД 833, указала: «Листы 14 об.-18 занимают датированные тексты, относящиеся к последним дням декабря 1821 г. Беловой автограф „К Овидию“ на л. 14 об., 15, 15 об., 16, 16 об., 17 имеет авторскую дату — 1821 дек.<абр> 26”. Нижняя часть л. 17 из тетради вырезана и до нас не дошла. Возможно, на ней был записан текст небольшого стихотворения, например эпиграммы, изъятой из тетради самим Пушкиным, ибо жандармская нумерация здесь не нарушена. Черновые автографы „Овидию“ находятся в ПД, № 831 и ПД, № 832; с них и перебеливался текст в нашу тетрадь. Правка белого автографа производилась несколько позднее (черными чернилами и иным почерком, которыми выполнен и текст второго авторского примечания к стихотворению на л. 15 об.). Как и в ряде других случаев, текст, по-видимому, правился

при подготовке стихотворения к печати в „Полярной звезде“⁵⁹.

Связь стихотворения «К Овидию» и письма П. А. Вяземскому с посланием «Баратынскому» была контекстной. Поэтому Пушкин сперва записал беловик двенадцатистрочного послания «Баратынскому. Из Бессарабии» на л. 25 об. в ПД 833:

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русской полна.
Еще доньше тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

А затем на л. 26 поместил новый беловик:

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне, Феба ради.
И награди тебя Амур.

Это второе послание с учетом хлопот Баратынского по изданию книги стихотворений в 1823 г. придавало стихам Пушкина подтекстные коннотации. Р. В. Иезуитова писала: «Начиная с л. 25, с белого автографа стихотворения „Прителю“ („Не притворяйся, милый друг“), и до л. 26 об. ...записи производились, по-видимому, в один прием, сходным почерком и чернилами одного цвета, что позволяет датировать их 23 октября 1823 г. (эта дата проставлена перед текстом „Ночи“). Лист 25 занят беловыми автографами послания

⁵⁹ Р. В. Иезуитова. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения). IN: Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995, т. 15, с. 247.

„Баратынскому из Бессарабии“ (написанного в 1822 г., предположительно в январе...), второго послания „Ему же“⁶⁰:

*Я еду обещанной тетради
Чтоб из медлитель, и миль тробадур
Пришли к нам, Амур
и награды тебе Амур.*

«Милый трубадур» (средневековый странствующий певец) и лексика (Феб, награды Амура) — определяют ожидаемые «обещанной тетради». Вместе с тем, эти контекстные и подтекстные смыслы стихотворений Пушкина, обращенных к Баратынскому, позволяют предположить, что Пушкин был в определенной степени озадачен быстротой восхождения на поэтический Олимп младшего (всего-то на один год) современника. Ему пришлось догонять: в «Полярной звезде» на 1823 г. было напечатано стихотворение «К Овидию». Но уже в 1824 г. Пушкин впервые опубликовал больше стихотворений, чем Баратынский: 10 — 4, а в 1825 г., несмотря на усилия Баратынского, утвердил свое преимущество: 14 — 10.

24 марта 1824 г. в «Литературных листках» Ф. В. Булгарина появилось объявление: «Многие любители поэзии давно уже желают иметь собрание стихотворений Е. А. Баратынского, которого прекрасные элегии, послания, воспоминания о Финляндии и Пире снискали всеобщее одобрение. К. Ф. Рылеев, с позволения автора, вознамерился издать его сочинения, и это будет истинный подарок для просвещенной публики»⁶¹.

Мы уже никогда не узнаем, что послужило причиной этого нахального объявления в то время, когда Баратынский добивался производства в прапорщики. Но пока что, весной

⁶⁰ Р. В. Иезуитова. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833, *ibid.*, с. 249.

⁶¹ «Литературные листки», СПб., ч. 1, № 5, март (цензурное разрешение 15 января 1824 г.), с. 134—195).

1824 г., Баратынский еще надеялся на издание книги: «Милые собратья Бестужев и Рылеев! Извините, что не писал к вам вместе с присылкою остальной моей дряни, как бы следовало честному человеку. Я уверен, что у вас столько же добродушия, сколько во мне лени и бестолочи. Позвольте приступить к делу. Возьмите на себя, любезные братья, классифицировать мои пьесы. В первой тетради они у меня переписаны без всякого порядка, особенно вторая книга элегий имеет нужду в пересмотре; я желал бы, чтобы мои пьесы по своему расположению представляли некоторую связь между собою, к чему они до известной степени способны. Второе: уведоьте, какие именно стихи не будет пропускать честная цензура: я, может быть, успею их переделать»⁶².

Тогда издание не осуществилось. К тому же в июне 1824 г. в «Мнемозине» общий друг обоих поэтов, В. К. Кюхельбекер, писал: «Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все, — Чувств у нас уже давно нет... Картины везде одни и те же...»⁶³.

Реакция Пушкина была почти мгновенной. В черновиках «Евгения Онегина» появилась отповедь:

Но тише! Слышишь? Критик строгой
Повелевает сбросить нам
Элегии венков убогой,
И нашей братье рифмачам
Кричит: «да перестаньте плакать,
Жалеть о прежнем, о былом:
Довольно, пойте о другом!»
(т. VI, с. 86-87).

О реакции Баратынского на «предательскую» статью нам ничего неизвестно. Однако, вплоть до апреля 1825 г., Баратынский не печатался в журнале Кюхельбекера «Мнемозина».

⁶² См.: Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма, *ibid.*, с. 469–470.

⁶³ Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1820-1827. СПб., 1996, с. 236–237.

Занятый «игрою в догонялки», Баратынский готовил к печати две свои поэмы — «Пирь» и «Эду», — которые вышли значительно позже пушкинских поэм («Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан») — в феврале 1826 г.⁶⁴

А в декабре 1825 г. в Петербурге были напечатаны «Стихотворения Александра Пушкина»...

Полемика двух гениальных поэтов всегда составляет эпоху в истории литературы. Подтексты таких стихотворений как «Телега жизни» Пушкина и «Дорога жизни» Баратынского или «Череп» Баратынского и «Послание Дельвигу» Пушкина — настолько показательны, что их следует описать. И хотя у обоих поэтов достаточно для сопоставления других произведений⁶⁵, все же эти стихотворения, по моему мнению, непосредственно демонстрируют принципы подтекстных взаимосвязанностей: в одном случае Баратынский «реагировал» на Пушкина, а в другом — Пушкин на Баратынского.

Б. Л. Модзалевский в своих комментариях к письму П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. указал: ««Телега жизни» была написана Пушкиным в Одессе в 1823 г.; кн. Вяземский напечатал ее в «Московском Телеграфе» 1825 г.»⁶⁶.

Изучая историю стихотворения «Телега жизни» С. Л. Донская отметила: «Пушкин написал его летом 1823 г.,

⁶⁴ «Эда. Финляндская повесть, и Пирь, описательная Поэма, соч. Евгения Баратынского. СПб. 1826».

⁶⁵ Список однотипных номинаций достаточно велик, чтобы считать их случайностями (указываю под литерой «Б» — Баратынского, а под «П» — Пушкина): Б Добрый совет (Сын Отеч., 1820, ч. 71, № XXIX, с. 131) — П Добрый совет (не напеч. 1817, июнь 1817-апрель 1820, переделка — кон. 1 пол. 1825.); Б Буря (Мнемозина, 1825, ч. IV, с. 214—215) — П Буря (Московский Телеграф, 1827, ч. I, № II, с. 91); Б Стансы (Поляр. Звезда на 1825, с. 316) — П Стансы (Московский Вестник, 1828, № 1, с. 3-4; Б Цветок (Сор. Прос., 1821, ч. 15, № 2, с. 244) — П Цветок (Галатей, 1829, ч. 1, № 2, с. 88); Б Прощание (Благонамеренный, ч. VI, № 15, с. 142) — П Прощание (при нотах А. Есаулова, зима 1830-весна 1831). П Деревня (Майский Листок, 1824, с. 1) — Б Деревня (СЦ на 1829, с. 59); П Разлука (Невский Зритель, 1820, ч. II, апрель) — Б Разлука (Сор. Прос, 1820, сент. ч. IX, с. 196) и т. д.

⁶⁶ А. С. Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, *ibid.*, т. 1, с. 371.

т. е. спустя несколько месяцев после того, как, перечитывая сочинения Дмитриева, вновь натолкнулся на флориановское «Le voyage»... Однако если лирический герой Флориана существует вне мира, а его путешествие никак не локализовано во времени и месте, то у Пушкина эти образы получают национально-историческую определенность. Флориановская символика воплощается у Пушкина в реалистических образах, глубоко типичных и национально живописных: жизнь превращается в крестьянскую телегу (противостоящую традиционным литературным «колесницам жизни»), вводится образ «седого времени», превращенного в лихого ямщика. Читатель почти видит (хотя о них ничего не говорится) лошадей, везущих телегу, слышит звон колокольчика. И по этой русской дороге движется лирический герой стихотворения, в отличие от нейтрального и общезначимого флориановского странника, живущий в реальном мире... Язык лирического героя Пушкина — это живой язык его современника со всеми приметами бытовой разговорной речи: тут и грубоватое слово «дуралей», и просторечная идиома «голову сломать», и лихое русское «пошел!», и даже брань»⁶⁷.

Не трудно заметить, что подтекст указан — басня Флориана по-французски и в переводе И. И. Дмитриева.

Правда, еще В. В. Виноградов в 1935 г., сопоставляя это стихотворение Пушкина с переводом Дмитриева, считал, что образ «телега жизни» Пушкина «находится в связи с «одноколкой прыткой жизни» кн. П. А. Вяземского», и цитировал нужные ему стихи пушкинского адресата»⁶⁸. Таким образом, к подтексту пушкинского стихотворения надо прибавить еще, как указал В. В. Виноградов, П. А. Вяземского и В. А. Жуковского. Строки Вяземского крайне важны:

Кому кормилец Аполлон,
Тремя помноженный Антон,

⁶⁷ С. Л. Донская. К истории стихотворения «Телега жизни». IN: Пушкин: Исследования и материалы. 1974, т. VII, с. 218—219.

⁶⁸ В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М. — Л., 1935, с. 438—439.

Да на закуску Прокопович!
Здесь рифма мне Василий Львович —

.....
Скажите, Пушкин дьявол что-ли?
А здесь под рифму мне Горголи!
Он под перо мое скользнул,
Как пред несчастьем кот черный!
Нет! нет! я тут слуга покорный
И крикну разве: караул!
Да, кстати, сделав три поклона,
Я вас поздравляю с сыном Крона,
Иль с новым годом, все равно!
Пусть прыткой жизни одноколка
По свежим бархатным лугам
Везет нас к пристани покойной!..

.....
Пусть бережет вас добрый дух!
И не перечит вам дороги
Исподтишка на случай строгий,
Ни граф Хвостов с стихами в слух!⁶⁹

Так что в подтекст приходится включать А. А. Прокоповича-Антонского и В. Л. Пушкина, Санкт-Петербургского обер-полицмейстера И. С. Горголи и Д. И. Хвостова.

Подтекстные образы Пушкина в «Телеге жизни» крайне разнообразны, но именно они обеспечивали поэту полную свободу в выборе не только индивидуального движения мысли, но и в выборе языковых средств.

Появление «Телеги жизни» в № 1 «Московского телеграфа» было сразу замечено Баратынским, и уже в «Невском альманахе» на 1826 г. появился его поэтический отклик под схожим названием «Дорога жизни»:

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас:

⁶⁹ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. В 12 тт. СПб., 1878—1896, т. III, с. 254

(http://imwerden.de/pdf/vyazemsky_polnoe_sobranie_tom03_1880.pdf).

Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми путевые
Прогоня жизни платим мы⁷⁰.

Стихотворение Пушкина строилось на сравнении *езды* с течением жизни (с утра до вечера). То, что Виноградов определял в координатах своей функциональной стилистики как «простонародная лексика»⁷¹, для Пушкина было такой же условностью, как и уподобление «седого времени» образу ямщика⁷².

Более того, оппозиция «седое время (ямщик) — мы (седоки)» изначально требовала человеческой вербальности: «Кричим, пошел, ебена мать!.. Кричим: полегче дуралей!». Естественно, что «наоравшись» с утра и в полдень, «под ве-

⁷⁰ Е. А. Боратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма, *ibid.*, с. 170.

⁷¹ В. В. Виноградов. Язык Пушкина, *ibid.*, с. 439.

⁷² Ср.: Д. Д. Благой Творческий путь Пушкина (1826-1830), М., 1967, с. 239—240. («В образной своей структуре „Телега жизни“ традиционна. Традиционно восходит еще к знаменитой загадке античного сфинкса („Что... утром о четырех ногах, в полдень о двух, а вечером о трех“)... Так же традиционно и сопоставление смерти — „ночлега“ — с ночью. Но всем этим классическим и сентиментальным реквизитом поэт распоряжается не только весьма вольно, но и с прямым вызовом. Вызов звучит уже в самом названии стихотворения: „Телега жизни“. Не колесница, как сказал бы поэт XVIII века, не коляска, как сказали бы поэты школы Карамзина — Дмитриева, а просторечно-бытовое, народно-русское, крестьянское — телега. Столь же вызывающий характер носит сопоставление „седого времени“ — почтенного седобородого старца, классического бога времени Крона — Сатурна, вооруженного традиционной косой, каким он неизменно рисовался и в поэзии и в живописи, — с отечественным „лихим“ ямщиком. Соответственным образом и уж совсем непочтительны обращения к нему поэта. Чего стоит одно это: „Полегче, дуралей!“ Такова и вся почти лексика стихотворения: „не слезет с облучка“, „голову сломать“, „порастрясло нас“, „кагит телега“ и т. п. В результате все оно выглядит как нарочито насмешливая — в ироикомиической манере — перелицовка традиционно-высокого материала. В стихотворении говорится о постепенном угасании жизни, о неизбежном „ночлеге“, ожидающем каждого. Но написано все оно с позиции первого возраста — „утра“ жизни: полно не только веселой иронии по отношению и к самому себе и к другим... но и, главное, молодого задора, удали, порой прямо озорства (слова, замененные точками)»).

чер» мы «дремля едем до ночлега». В этой шутке Пушкина концовка стихотворения «А время гонит лошадей» — была отнюдь не философским открытием, а композиционно-стилистической деталью: она всего лишь своим безъязычием противостояла вербальности едущих.

Баратынский, заимствуя пушкинские семы (сравните: «телега жизни» — «дорога жизни», «ямщик лихой» — «годы почтовые», «с утра... в полдень... под вечер» — «прогоны жизни»), поменял основную оппозицию «жизнь — время» на «судьба — сны (= жизнь)». Казалось бы, что абстрагирование Баратынского от пушкинских реалий было демонстративным. Но при этом он не мог не ощутить, что пушкинская «Телега жизни» закономерно стала подтекстом его «Дороги жизни». Делать было нечего. Соперничество обернулось сопричастностью. Надо было уходить в сторону:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие...⁷³

Кажется, Баратынский был не прав: стихи Пушкина стали подтекстом его «Дороги жизни», но и стихи Баратынского стали подтекстом пушкинской «Телеги жизни». Их взаимосвязь в истории литературы становилась неразрывной...

По иному складывалась ситуация со стихотворением Баратынского «Череп», которое появилось в «Северных цветах» на 1825 г. М. Л. Гофман писал: «Об этом стихотворении существует весьма обширнейшая литература, открывающаяся разбором в «Соревнователе просвещения и благотворения» 1825 г., в котором говорилось: «Подобный предмет есть в стихотворениях знаменитого Байрона. Мы из любопытства сравнивали сии два произведения. Русский стихотворец в этом случае гораздо выше английского. Байрон, сильный, глубокий и мрачный, почти шутя говорил о Черепе умершего человека Наш поэт извлек из этого мрачного предмета поразительные истины». Подобные отзывы мы встречаем и в

⁷³ Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма, *ibid.*, с. 205.

других современных журналах, и даже неблагосклонный к Баратынскому «Дамский журнал» отнесся очень благосклонно к «Черепу»⁷⁴.

Е. Куприянова и И. Медведева были точнее П. А. Плетнева, рецензента «Соревнователя»: «Череп... Датируется концом 1824 г... Тема «Череп» встречается у Байрона... Однако высокая философическая трактовка темы в «Черепе» ближе к посвященным той же самой теме V-VII строфам из II песни «Чайльд-Гарольда»⁷⁵.

⁷⁴ См.: М. Л. Гофман Примечания к стихотворениям. IN: Е. А. Баратынский. Полное собрание сочинений. В 2-х тт. СПб., 1914, т. 1, с. 252—253 (http://imwerden.de/pdf/boratynsky_pss_tom_1_1914.pdf).

⁷⁵ Е. Куприянова, И. Медведева. Комментарии к стихотворениям. IN: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. В 2-х т. Л., 1936, т. 2, с. 228. Приведу строфы Байрона:

5

Вот холм, где вождь усопший погребен,
Вдали от бурь, от песен и сражений, —
Он пал под плач поверженных племен.
А ныне что? Где слезы сожалений?
Нет часовых над ложем гордой тени,
Меж воинов не встань полубогам.
Вот череп — что ж? Для прошлых поколений
Не в нем ли был земного бога храм?
А ныне даже червь не приютится там.

6

В пробоинах и свод его и стены,
Пустынны залы, выщерблен портал.
А был Тщеславья в нем чертог надменный,
Был Мысли храм, Души дворец блистал,
Бурлил Страстей неудержимый шквал,
Но все пожрал распада хаос дикий,
Пусты глазницы, желт немой оскал,
Какой святой, софист, мудрец великий
Вернет былую жизнь в ее сосуд безликий?

7

«Мы знаем только то, — сказал Сократ, —
Что ничего не знаем». И, как дети,
Пред Неизбежным смертные дрожат.
У каждого своя печаль на свете,
И слабый мнит, что Зло нам ставит сети.
Нет, суть в тебе! Твоих усилий плод —
Судьба твоя. Покой обрящешь в Лете.
Там новый пир пресыщенных не ждет.
Там, в лоне тишины, страстей неведом гнет.

Включение Байрона в подтекст стихотворения «Череп» стало почти традиционным. И все же, можно только предполагать, насколько был раздосадован подобным сопоставлением сам Баратынский, если в сборнике 1827 г. это стихотворение было им напечатано под названием «Могила» (цензурное разрешение на издание «Стихотворения Е. Баратынского» было получено 28 марта 1827 г.⁷⁶):

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрѣт святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп жѣлтый, пыльный!
Ещё носил волос остатки он;
Я зрел на нём ход постепенный тленья.
Ужасный вид! как сильно поражѣн
Им мыслящий наследник разрушенья!
Со мной толпа безумцев молодых
Ребячески над ямой хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала!
Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозимым смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!..
Что говорю? Стократно благ закон,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший,
Живи живой, тлей мертвый! воскорбит,
Кто до поры открытый взор получит.
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит⁷⁷.

⁷⁶ Сочинения Е. Баратынского. М., 1827 (цензурное разрешение 28 марта 1827 г.), с. 18–19 (http://imwerden.de/pdf/boratynsky_stikhotvoreniya_1827.pdf).

⁷⁷ См.: Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма, *ibid.*, с. 488. Уже в ноябре 1827 г. он писал издателю Н. А. Полевому: «Получил я, любезный Николай Алексеевич... мои стихотворения...».

Но возвратимся к поэтической полемике. Т. Г. Зенгер-Цявловская указала на все пушкинские черновики «Послания к Дельвигу»: «Черновые автографы. 1... в тетради ЛБ № 2370, л. 75 об. 2... в тетради ЛБ № 2367 л. 37 об... 3... л. 59 об. 4... в тетради ЛБ № 2367, л. 56 об... 5... в тетради ЛБ № 2368, л. 36 об.» (т. II/2, с. 1148-1149).

Описывая тетрадь ПД 835 (= ЛБ 2370 — С. III.), С. А. Фомичев отметил: «Что же касается самых последних записей в тетради ПД № 835, то они сделаны, по всей вероятности, тогда, когда Пушкин уже перестал к ней обращаться постоянно. Это наброски перевода из Ариосто (л. 69 и 79—79 об.), а также несколько строк из «Послания к Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он»). Первый из этих замыслов традиционно датируется январем — июлем (?) 1826 г., второй — июлем-сентябрем 1827 г.»⁷⁸

Р. В. Иезуитова писала о тетради ПД 833 (= ЛБ 2367 — С. III.): «...Итак, следующий стихотворный текст в ПД, № 833 — послание „Дельвигу“ (в списках произведений оно именуется „Череп“⁷⁹)... Черновик центральной части стихотворения до нас не дошел, однако можно предположить, что он также писался в Петербурге, тогда как сохранившиеся фрагменты последней части этого стихотворения отрабатывались уже в Михайловском... Дальнейшая работа шла уже в той части тетради, которая заполнялась в прямом ее положении (от начала к концу). На л. 38 об. (напомним, что лист 38 был уже занят черновым автографом послания „Языкову“, датируемым 26 августа 1826 г.) Пушкин записал стихи 109 — 125 послания „Дельвигу“ („Череп“)... Прервав... на слове „Наследников.....“, Пушкин теми же чернилами и почерком сделал прозаическую запись двух заметок: „Истинный вкус не в том состоит“ и „Никто более его не сложил“, представляющих собой первоначальные наброски будущей статьи, из-

⁷⁸ С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (Из текстологических наблюдений). IN: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983, т. 11, с. 34.

⁷⁹ По всей видимости, Р. В. Иезуитова имеет в виду списки по составу сборника стихотворений.

вестной в пушкиноведении под условным названием „Стихотворения Баратынского“, а затем использованных в качестве первых заметок в „Отрывках из писем, мыслей и замечаний“. Третьей записью на этом листе является первая программа продолжения задуманной статьи о Баратынском („Провинциальная чопорность“)… Отделив три записи друг от друга продольными черточками (указывающими на их завершенность), Пушкин приступил к написанию сплошного текста статьи „Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского“. Работа была продолжена на л. 39 об.»⁸⁰

Знакомясь с описаниями текстологов, не трудно заключить, что Пушкин сочиняет «Послание к Дельвигу» почти одновременно с работой над статьями о творчестве Баратынского. Можно не сомневаться в том, что стихотворение Баратынского «Череп» («Могила») изначально составляло подтекст пушкинского послания, так же как и в том, что отзыв П. А. Плетнева в «Соревнователе просвещения и благотворения» (№ 1, с. 85—111) на альманахе «Северные цветы на 1825 г.» с анализом текстов обоих поэтов хорошо запомнился Пушкину.

Усилил подтекстную сферу Байроном («Певцу Корсара») и Шекспиром («Гамлет-Баратынский»), Пушкин подключил к ней не только Баратынского, но и Дельвига с Н. Языковым и А. Вульфом. При этом точные топоры («готическая слава», «литовский меч», «Рига», «скандинавский рай») в сочетании с историко-социальным окрасом персонажей («барон», «вассалы», «рыцарская душа», «пастор», «студент присяжный», «градской кистер» и т. д.) и прозаической вставкой в поэтическом тексте, — все так или иначе становилось стилистическими приметами стихотворения, определившими широкую гамму авторских интонаций: от торжественности («Прими сей череп... Тебе поведаю, барон...») до веселой смеси «нижегородского с французским» («Парами Вакха...», «Сквозь эту кость... Луч... Аполлона...»).

⁸⁰ Р. В. Иезуитова. Рабочая тетрадь Пушкина, *ibid.*, с. 258—260.

«Однокрасочная» стилистика «Череп» Баратынского («Усопший брат... святынею могильной... зрел на нем... наследник разрушенья...» и т. д.) позволила П. А. Плетневу противопоставить русского поэта Байрону, который «почти шутя говорил о Черепе умершего человека», в то время, как Баратынский вывел «из этого мрачного предмета поразительные истины». Пушкинское же стихотворение, вобравшее в себя и то, и другое, не только не препятствовало такому противопоставлению, но и делало его бессмысленным. По сути дела, подтекстные смыслы оказывались производными от контекстных, утверждая исключительность и оригинальность сотворенного. Стихотворение, написанное Пушкиным в 1826—1827 г., было опубликовано в «Северных цветах на 1828 год». Появление «Череп» Пушкина в том же самом альманахе, где ранее был напечатан «Череп» Баратынского, подводило черту в давнем споре обоих поэтов, начавшемся еще в то время, когда по воле судьбы они расстались. Расстались на долгое шестилетие...

П. А. Вяземский, друг и «беса арабского», и элегика «финских скал», через сорок пять лет, в 1869 г., отметив, что Баратынский «при жизни и в самую пору поэтической своей деятельности не вполне пользовался сочувствием и уважением, которых был он достоин», дал точную оценку их взаимоотношениям: «Его заслонял собою и, так сказать, давил Пушкин, хотя они и были приятелями»⁸¹.

В 1825—1827 гг. Пушкину могло показаться, что он, как медведь, не «додавил», а «задавил» Баратынского. Но история распорядилась по-своему. Впрочем, на Пушкина надвигалась другая эпоха с другими баталиями.

⁸¹ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, *ibid.*, т. VII, с. 268—269 (http://imwerden.de/pdf/vyazemsky_polnoe_sobranie_tom07_1882.pdf).

«Сновидений ложный рой...»

Пушкинский подтекст является не в статичной данности имен и произведений, но в динамике становления русской поэзии и русского литературного языка. В этом смысле сентенция «Пушкин — это наше все» была предназначена не для анекдотически-итоговой формулировки идеологов и компиляторов, а для указания на точку отсчета в той художественной реальности, которая навсегда определила существо русской поэзии «до и после».

И если, с одной стороны, В. Д. Левин *открыл* еще недостаточно усвоенную современным литературоведением лингво-стилистическую природу образа автора, который оказался бесконечно разнообразен как «личность»⁸², то Е. Г. Эткинд, говоря о «литературно-светской игре» как о «специфическом свойстве русской поэзии начала XIX века», резюмировал: «Эта гуманизация... вызвана, разумеется, не особыми чертами русской природы, а тем, что наше рококо развивалось более чем на полстолетия позже французского и что в нем соединились особенности и позднего классицизма, и зрелого романтизма; лицейские и послелицейские стихи Пушкина... пишутся после Жуковского (а значит, для русского языка, после Шиллера, Гете, Уланда, Бергера, Саути, Байрона) и Батюшкова (а значит, после вновь открытых элегий Тибулла и многих итальянских и французских поэтов нескольких столетий)»⁸³.

Стоит ли удивляться тому, что Пушкин, впитав в себя подтекстные форманты европейской литературы, искал в процессе создания того или иного произведения ту отдельную «личность» (= образ автора), которая контекстуально определялась его поэтическим опытом. Подтексты и контек-

⁸² В. Д. Левин. Литературный язык и художественное повествование. IN: Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971, с. 93.

⁸³ Е. Г. Эткинд. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999, с. 405.

сты пушкинских стихотворений оказывались «сообщающимися сосудами»: описание одного типа стало невозможно без описания другого. Более того, их влияние друг на друга в процессе творчества было не только формообразующим фактором стиля, но подчас и — неожиданно для самого автора (вспомните, «замуж удрала») — смысло-содержательной стихией художественных открытий Пушкина.

В статье «Пушкин и Парни» П. Морозов писал: «В 1824 г. Пушкин снова обращается к Парни — на этот раз почти переводит из «Переодеваний Венеры» свою «Прозерпину»⁸⁴. Ранее ученый очень тонко заметил, что во время принятия Парни во Французскую академию (28 декабря 1803 г.) с ответным словом выступил академик Тара, «на долю которого выпала нелегкая задача»: хвалить автора «Войны богов» перед «публикой, вкусы которой успели уже существенно измениться: теперь прежнее легкомысленное отношение к религиозным вопросам считалось уже признаком дурного тона, и все восторгалось „Духом христианства“ Шатобриана»⁸⁵.

Конечно, крайне важно сопоставлять главку «Les Déguisements de Vénus» Парни с «Прозерпиной» Пушкина. Однако, думается, мы не можем утверждать, что сравнение «одного из стихотворений Эвариста Парни с его переводом, исполненным Пушкиным»⁸⁶, позволяет разглядеть диаметрально противоположные поэтики.

Отмечу, что различие между «подражанием» и «переводом», по крайней мере, в пушкинскую эпоху было строго оговорено: подражать «оратору или поэту не значит переводить его или рабски списывать»⁸⁷. Но отличия пушкинской «Прозерпины» от французского подтекста, о котором так вдохновенно писал Е. Г. Эткинд, по сути дела, были не только

⁸⁴ См.: Морозов П. Пушкин и Парни. IN: А. С. Пушкин. В 6-и тт. Под ред. С. А. Венгерова. СПб, 1907, т. I, с. 392.

⁸⁵ Морозов П. Пушкин и Парни, *ibid.*, с. 384.

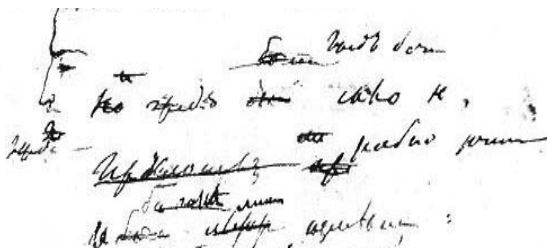
⁸⁶ Е. Г. Эткинд. Божественный глагол, *ibid.*, с. 403.

⁸⁷ Н. Ф. Остолопов. Словарь древней и новой поэзии. В 3-х тт. [Репринт]. Wilhelm Fink Verlag. München, 1971, т. 2, с. 387.

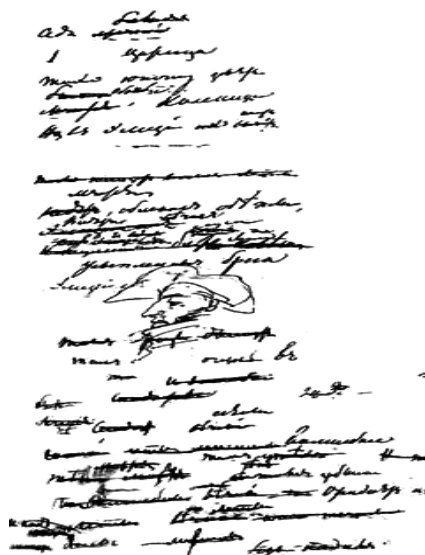
«6 апреля 1821 г.») и послания «В. Л. Давыдову (датировано Т. Г. Зенгер «1-10 апреля 1821 г.» — т. II/2, с. 1093). Можно утверждать, что начало первого автографа Пушкин записал 6-10 апреля 1821 г. После строки «В ней пылает пламень новый» работа над стихами была прервана — он стал рисовать:

Через какое-то время Пушкин вернулся к «Прозерпине». Сперва Пушкин продолжил черновик прямо рядом и под рисунком:

А затем стал писать слева на свободном месте:

Во-первых, строки «Прозерпины» записаны остро заточенным пером. Во-вторых, строчки располагаются ровно, не смещаясь вправо. В-третьих, быстрый почерк и недописанность последних строк свидетельствует о том, что автору понятно развитие мысли стихотворения.

Следовательно, заключительные строчки на этом листе Пушкин записал значительно позднее стихов послания «В. А. Давыдову».

Видимо, Пушкин не возвращался к черновикам «Прозерпины» в ПД 831 до 1824 г.

Объявление 26 декабря 1823 г. в «Вестнике Европы» (№ 23—24, с. 316—318) о выходе «Мнемозины» за подписью В. Ф. Одоевского и В. Кюхельбекера⁸⁹, по всей видимости, подвигло А. А. Дельвига принять решение об издании собственного журнала, о чем стало известно Пушкину. И в письме к брату от января 1824 г. он сообщал: «Дельвигу буду писать, но если не успею, скажи ему, чтоб он взял у Тургенева Олега вещего и напечатал. Может быть я пришлю ему отрывки из Онегина...» (т. XIII, с. 87).

Летом 1824 г., 13 июня, Пушкин откровенничал с братом: «Ты спрашиваешь моего мнения насчет Булгаринского вранья — чорт с ним... Ты, Дельвиг и я можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы... Напиши мне лучше что-нибудь о Северных Цветах — выдут ли и когда выдут?.. Теперь я ничего не пишу» (т. XIII, с. 97).

Возможно, между 13 июля и 26 августа 1824 г. Пушкин, подготавливая стихи к печати и перечитывая черновики в разных тетрадах, обратил внимание на «Прозерпину» и на л. 30 в ПД 831 сперва записал «конспект» концовки стихотворения, а затем, составляя беловик на л. 28 об. в ПД 833, воспользовался им. Нельзя не обратить внимание на то, что перо и почерк черновой концовки «Прозерпины» удивительно похожи на перо и почерк беловика:

⁸⁹ Цит. по: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 тт. М., МСМХСІХ, т. I [с указанием: составитель М. А. Цявловский], с. 359.

и Кереры
 И счастливица за собой
 И Элизия выводит
 Потаенную тропой
 И счастливец отпирает
 Осторожною рукой
 Дверь откуда вылетает
 Сновидений ложный рой.

и Кереры дочь уходит
 И счастливица за собой
 Из Элизия выводит
 Потаенною тропой
 И счастливец отпирает
 Осторожною рукой
 Дверь откуда вылетает
 Сновидений ложный рой.

26 август 1824

Интересна одна деталь в перебеленном тексте. Пушкин заметил лексический повтор «И счастливица за собой... И счастливец отпирает». Сперва он решил снять его и записал строку по-другому: «И вздохнув, он отпирает», но затем вернулся к изначальному варианту. Резоны у Пушкина были. Его правка превращала избранника Прозерпины в полноценного участника любовной игры:

В сладострастной неге тонет
 И молчит, и томно стонет...

.....

И вздохнув, он...

А именно это и не входило в задачу Пушкина, ибо при такой правке суть стихотворения сводилась к «победной силе любви, уравнивающей смертных с богами»⁹⁰, и он восстановил изначальный вариант:

И Кереры дочь уходит,
 И счастливица за собой
 Из Элизия выводит
 Потаенную тропой;
 И счастливец отпирает
 Осторожною рукой
 Дверь, откуда вылетает
 Сновидений ложный рой.

⁹⁰ Е. Г. Эткинд. Божественный глагол, *ibid.*, с. 405.

Зеркальность обоих катренов («И... уходит, И... выводит... И... отпирает... вылетает...») поддержана не только одним и тем же существительным (счастливца — счастливца), но и — вопреки школьной грамматике — точкой с запятой, которая оказывается в данном случае не разделительным, а *соединительным* знаком препинания.

Лучше и точнее всех понял Пушкина барон А. А. Дельвиг. Цитируя известное письмо А. А. Дельвига от 10 сентября 1824 г., критики обычно отмечали: «Милый Пушкин, письмо твое и „Прозерпину“ я получил... „Прозерпина“ не стихи, а музыка: это пенье райской птички, которое слушая, не увидишь, как пройдет тысяча лет», не обращая внимания на главную особенность оценки лицейского друга: «Эти двери давно мне знакомы. Сквозь них, еще в Лицее, меня [иногда] часто выталкивали из Элизея. Какая искусная щеголиха у тебя истина...» (т. XIII, с. 107—108).

Фактически, пересказывая мифологический сюжет, Пушкин сделал его одним из эпизодов «ложного роя» сновидений, то есть юного *воображения* субъекта текста⁹¹.

Такой истины не было не только у Парни, но и ни у кого до Пушкина. Вот почему подзаголовок из перебеленного варианта «подражание Парни» он снял: в «Северных цветах» на 1825 г. и в книге «Стихотворения Александра Пушкина»

⁹¹ Фактически, пушкинская ситуация напоминает ситуацию известного стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...»), в котором новый художественный смысл возникает вслед за достаточно «школьным» (смотрите учебники по «Родной речи» для 4-го класса) описанием природного явления:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Без этих четырех строчек нет не только этого стихотворения, но и *поэта* Тютчева.

на» (1826) появилось оригинальное стихотворение «Прозерпина»⁹².

«В те дни...»

Устанешь — не беда: зато ты будешь цел
и с нервами в покое;
Не будет дергать их, коробить в перебое,
И не начнешь в сердцах, забыв и страх и грех,
Как Демон Пушкина, злословить всё и всех.
П. А. Вяземский⁹³

История стихотворения «Прозерпина» определила одну важную деталь: подтексты Пушкина, взятые сами по себе, не приоткрывают «тайны» пушкинского творчества. Они способны лишь подсказать общее направление его поиска.

⁹² Пушкинская «щеголиха-истина» откликнулась, кажется, в «райских перышках» В. В. Маяковского. В «Письме Равича и Равичу» В. В. Маяковский признавался, что «райские перышки» концовки стихотворения «Домой!» он вырвал, а жаль:

Я хочу
быть понят моей страной,
а не буду понят,
что ж,
по родной стороне
пройду стороною
как проходит
косой дождь.

См.: С. М. Шварцбанд, М. С. Бодров. Стихотворение В. В. Маяковского «Домой!». IN: Некоторые вопросы русской и советской литературы и методики ее преподавания в школе. Барнаул, 1972, с. 78.

⁹³ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. В 12-и тт. СПб., 1880, т. IV, с. 257 (http://imwerden.de/pdf/vyazemsky_polnoe_sobranie_tom04_1880.pdf).

Стихотворный опыт Пушкина, точный выбор и отбор элементов, организующих стилистику текста, и умение использовать контекстные образы в композиционных решениях, — вот основные параметры «лабораторной» работы поэта.

Собственно говоря, описание рабочих тетрадей Пушкина и усиленное прочтение чернового материала сами по себе только предоставляют исходную «базу данных», без которой невозможно никакое *историческое* истолкование *законченного* и *опубликованного* произведения.⁹⁴

Феномен творчества Пушкина состоит не из того или иного сколь угодно большого набора текстологических, стилистико-смысловых, подтекстных и контекстных утверждений, а в описании той процессуальной природы художественных произведений, которая выступает в их «динамических системах»⁹⁵ единственно управляющей, организующей и функционирующей силой.

Кроме того, как показала история черновиков якобы «большого послания» («В кругу семей, в пирах счастливых...»), разбросанные в рабочих тетрадях и на разных страницах записи отдельных образов, строк, строф и поэтических фрагментов являются только материалом стихотворного опыта Пушкина. Поэтому любая попытка «реконструкции» чернового текста в логически связанный текст, который предлагают ученые читателям, изначально нарушает *авторское право* художника. Я уж не говорю о том, что сам Пушкин мог бы использовать этот материал в разных замыслах и в различных комбинациях.⁹⁶

⁹⁴ Так называемые «полные собрания сочинений» лишь репрезентируют ту или иную позицию академического коллектива, которая, естественно, подвержена посторонним влияниям социально-идеологических посылок их редакторов.

⁹⁵ О «динамических свойствах текста» см.: Ю. М. Лотман. О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста. IN: Труды по знаковым системам, т. 4. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 236, с. 479.

⁹⁶ Возможно, мода на реконструкции была вызвана, в частности, и обстоятельствами подготовки «полного собрания сочинений» в 1934-1937 гг.

В 1941 г. И. Медведева в своей, ставшей классической, статье писала: «Для читателя-исследователя, знающего, где найти дополнения к известным текстам пушкинской лирики, предоставляется возможность в некоторых собраниях сочинений, в отделе примечаний, в виде транскрипции, в виде бессвязных набросков прочесть продолжение послания „Ты прав, мой друг“. Продолжение это даже в его бессвязности раздвигает рамки темы, делает послание глубоко содержательным, существенным для пушкинского мировоззрения, возбуждает интерес к адресату»⁹⁷. И в соответствии с установкой на «читателя-исследователя» констатировала: «В тетради Пушкина 1821—1823 гг., на трех листах разбросан черновик строфического послания „Ты прав, мой друг“... В той же самой тетради, на 19 листов раньше наброска послания, находится черновик трех четверостиший, известных читателю в качестве стихотворений 1821 г. ...Первым редактором, установившим связь текстов обоих автографов, был Л. Н. Майков».⁹⁸

Однако, в статье И. Н. Медведевой, кроме рассуждений о реконструкции и описаний разных черновиков, содержится ряд крайне важных наблюдений над контекстным механизмом художественного мышления Пушкина. К ним нельзя не прислушаться: «Тема разочарования — расслоилась на две. Одна из них — тема демона, проблема „вечных вопросов“, становление человеческой личности, другая — тема политического скептицизма. Обе эти темы волновали Пушкина и заставляли искать форм для их воплощения. В конце 1823 г. Пушкин реализовал свою лирическую тему в „Демоне“ и стихотворении „Свободы сеятель пустынный“. Но прежде чем были созданы эти вещи, происходил процесс сложный и в высшей степени любопытный».⁹⁹

Желание видеть в «политическом скептицизме» и в «теме разочарования» моменты духовного кризиса Пушкина в 1823 г. приводило исследователей к утверждению раздутой

⁹⁷ И. Медведева. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон». IN: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6, 1941, с. 52.

⁹⁸ Там же. С. 53-54.

⁹⁹ Там же. С. 59-60.

ими значимости декабристских идей для поэта. Поэтому, связывая «демонизм» Онегина и его разочарованность в первой главе романа с черновыми набросками разных замыслов, И. Н. Медведева указала на контекстные и подтекстные образы. При этом контексты черновики она обнаружила только в последующих писаниях Пушкина («Евгений Онегин»), а подтекстные в предшествующей литературе: «Генезис образа демона в творчестве Пушкина требует особого исследования и прежде всего сопоставления с демоническими героями и демонами мировой литературы».¹⁰⁰

Однако «читатели-исследователи» знают, что темы разочарования и «демонизма», как и медитации «на темы о смерти и уходящей молодости»¹⁰¹, — в равной степени порождены *страхом* молодого человека перед неизбежностью и в этом смысле свойственны *всей* романтической литературе.¹⁰² Они появились у Пушкина, естественно, задолго до «мировоззренческого кризиса 1823 г.».

Достаточно вспомнить строки из лицейских стихотворений¹⁰³ или из «петербургского периода» и первых лет «бессарбского сиденья»¹⁰⁴, чтобы признать тему разочарования изначально присутствующей в поэзии Пушкина.

¹⁰⁰ Там же. С. 69.

¹⁰¹ Там же. С. 69.

¹⁰² Об этом справедливо писал Ф. П. Федоров: «..архаический страх... зримой смерти... страх перед смертью европейского человека, прошедшего через горнило многовековой рационалистической традиции» (Ф. П. Федоров. Голос лиры вдохновенной. Фрагменты. Daugavpils, 2009, с. 267).

¹⁰³ См.: Б. В. Томашевский. Пушкин, *ibid.*, кн. 1, с. 548—566. Характерен подзаголовок: «Демон» и кризис 1823 г.». Но Б. В. Томашевский, в отличие от И. Медведевой, указал на контекстные образы и до 1823 г. — в стихотворениях 1821—1822 гг.

¹⁰⁴ См.: «Элегия», 1816 («Увял надежды ранний цвет: Цвет жизни сохнет от мучений...»); «Элегия», 1816 («Я видел смерть... Я видел гроб... И жизни горестной моей Никто следов уж не приметит...»); «Элегия», 1817 (Минувших дней погаснули мечтанья, И умер глас в бесчувственной среде...»); «Безверие», 1817 («И что зовет его в пустыне гробовой — Кто ведает? Но там лишь видит он покой»); Князю А. М. Горчакову», 1817 («Увы! Нельзя мне жить обманом И счастья тень, забывшись обнимать, Вся жизнь моя — печальный мрак ненастья») и т. д.

Впрочем, таков же и контекстный образ «Демона» — от «Монаха» (1813) до «Гавриилиады» (1822) — «извечного врага» и «совратителя».

Нельзя не обратить внимания на то, что И. Н. Медведева, создавая миф о «мировоззренческом кризисе» Пушкина в 1823 г., тщательно обходит черновики одного известного замысла 1822 г. — «Таврида».

С. А. Фомичев, исследовавший черновики «Тавриды» в ПД, № 832 пришел к выводу, что черновые записи Пушкина 1822 г. «свидетельствуют, как настойчиво он пытался отделаться от „байроновского“ диктата в своих поэмах...»: «Понятно поэтому его желание в „Тавриде“ полностью довериться своему лирическому дару... Однако лирический монолог приобретал аморфную форму, превращаясь в растянутую элегию...»¹⁰⁵. При этом, комментируя письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. по поводу печатания «Бахчисарайского фонтана», С. А. Фомичев к пушкинскому замечанию «Я выбросил... что не хотел выставлять перед публикою» приписал: «Это замечание... служит косвенным доказательством о единстве замыслов „Тавриды“ и „Бахчисарайского фонтана“»¹⁰⁶, и как отмечал Л. С. Осповат, именно «в первоначальном замысле лирической поэмы содержались в обилии и мысли о бессмертии».¹⁰⁷

¹⁰⁵ См.: «Уныние», 1817 («Не спрашивай, зачем душой остылой Я разлюбил веселую любовь...»); «Напрасно, милый друг...», 1819 («Погасли юные желанья, Надежда в сердце умерла»); «Мне вас не жаль, года весны моей...», 1820 («Где прежний жар и слезы вдохновенья?..»); «Я пережил свои желанья...», 1821 («Увял цветущий мой венец: Живу печальный, одинокий, И жду: придет ли мой конец?»); «Война», 1821 («И все умрет со мной: надежды юных дней, Священный сердца жар, к высокому стремленью, Воспоминание и брата и друзей, И мыслей творческих напрасное волненье...») и т. д.

¹⁰⁶ С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 832 (из текстологических наблюдений). IN: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 238—239.

¹⁰⁷ С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 832, *ibid.*, с. 239, примеч. 35).

Однако, единый замысел («Таврида» + «Бахчисарайский фонтан»), в котором присутствовали «мысли о бессмертии (чуждые христианской ортодоксальности)» и «любовный бред» восходил, по всей видимости, к «Гавриилиаде». Именно она определяла пафос «Тавриды» и «Бахчисарайского фонтана»: «Любовь — сильнее смерти». Но сама «Гавриилиада» ведь заканчивалась «тупиком»:

Я пел тебя, крылатый Гавриил,
.....
Храни меня, внемли мое моленье!..
Не то пойду молиться сатане!..

Л. С. Осповат точно указывал: «Непредвзятое чтение „Гавриилиады“ убеждает в том, что истинный ее протагонист — не архангел Гавриил и не бог, но сатана...» и автор «открыто сознается в своем недавнем приятельстве, если не с самим сатаной, то, по крайней мере, с кем-либо из его присных:

Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,
Друг демона, повеса и предатель...

„Повеса и предатель“ ... Любопытно, что оба эти определения, несколько неожиданно соединенные в автохарактеристике, встречаются и порознь... причем в обоих случаях относятся к сатане... Итак, позиция автора поэмы полностью совпадает с „позицией сатаны“?»¹⁰⁸. Вопрос, поставленный Л. С. Осповатом, был вовсе не риторическим, то есть таким, который не требовал ответа. Но ответ Пушкин нашел не сразу. По крайней мере, в черновиках «Тавриды» он пока что отсутствовал. На л. 12 об. в ПД, № 832, как отметил С. А. Фомичев, «намечена программа произведения: „Страсти мои ути-

¹⁰⁸ С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 832, *ibid.*, с. 239.

хают, тишина царит в душе моей, ненависть, раскаяние, все исчезает — любовь одушевляет...»¹⁰⁹

В этой концовке программы («любовь одушевляет»), по-моему мнению, и надо видеть связь «Тавриды» с другими замыслами, хотя бы потому, что, например, в поэме «Гавриилиада» сатана был — «основоположник и корифей... „любовной науки“».¹¹⁰ Более того, судя по обращению Фауста к Мефистофелю («Gib meine Jugend mir zurück!» — «Дай моей юности вернуться ко мне!») по эпиграфу на л.12 в ПД, № 832 и по начальному обращению зачина на л. 14 в ПД, № 832, «ты...» — подразумевает не Бога, а «вечного врага»:

Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество, пустой призрак,
Не жажду твоего покровя!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливых дней не знав от века,
Я все не верую в тебя,
Ты чуждо мысли человека,
Тебя страшится гордый ум!..

(т. II/1, с. 106).

В той же рабочей тетради «верхом вниз» (в перевернутом положении) на л. 34 об. и л. 35 ПД, № 832 после двух онегинских строк, написанных чернилами («Они не стоят ни страстей Ни песен ими вдохновенных...» — строфа XXXIV из 1 главы романа), Пушкин карандашом записал стихотворение «Как наше сердце своенравно...».¹¹¹

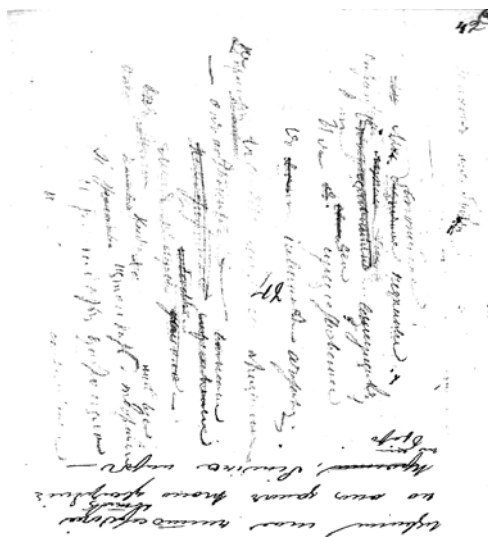
Этот же карандаш Пушкин использовал и для записи черновиков на л. 41 об. и л. 42 в ПД, № 832, которые, как счи-

¹⁰⁹ Л. С. Осповат. «Влюбленный бес». Замысел и его трансформация к творчестве Пушкина 1821-1831 гг. IN: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII, с. 179-181.

¹¹⁰ С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 832, *ibid.*, с. 227.

¹¹¹ Л. С. Осповат. «Влюбленный бес», *ibid.*, с. 179.

тал И. О. Лернер, имеют отношение к стихотворению «Демон»¹¹²:

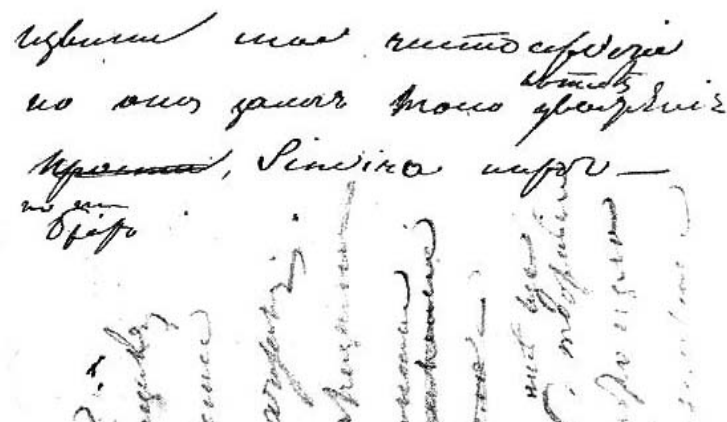
Впоследствии Пушкин после карандашного черновика на л. 41 об. стал переписывать и вносить в черновик правку чернилами:

Мое беспечное незнание
Лукавый демон возмутил,
И он мое существованье
С своим навек соединил.
Я стал взирать его глазами,
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.
Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?..

(т. II/1, с. 152).

¹¹² С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 832, *ibid.*, с. 227.

Нетрудно заметить, что карандашный текст на л. 42 появляется раньше окончания черновика письма к П. А. Плетневу (ноябрь-декабрь 1822 г.): «Извини мое чистосердечие, но оно залог моего к тебе уважения. [Прости], Sine ira и проч. По письмам Брата...» (ср.: т. XIII, с. 53):

Это становится визуально ясным особенно при рассмотрении слова «творенье», на окончание которого «налезло» написанное чернилами «и проч» из письма к Плетневу.

Поэтому не вызывает сомнений, что написанные карандашом стихотворения «Таков он был...» (по Н. О. Лернеру) на л. 42 вместе с «Бывало в сладком ослепленьи...» на л. 40 об. появились не позднее октября 1822 г., а переписка и правка чернилами на л. 41 об. стихотворения «Мое беспечное незнание...» (по Б. В. Томашевскому) — значительно позже.

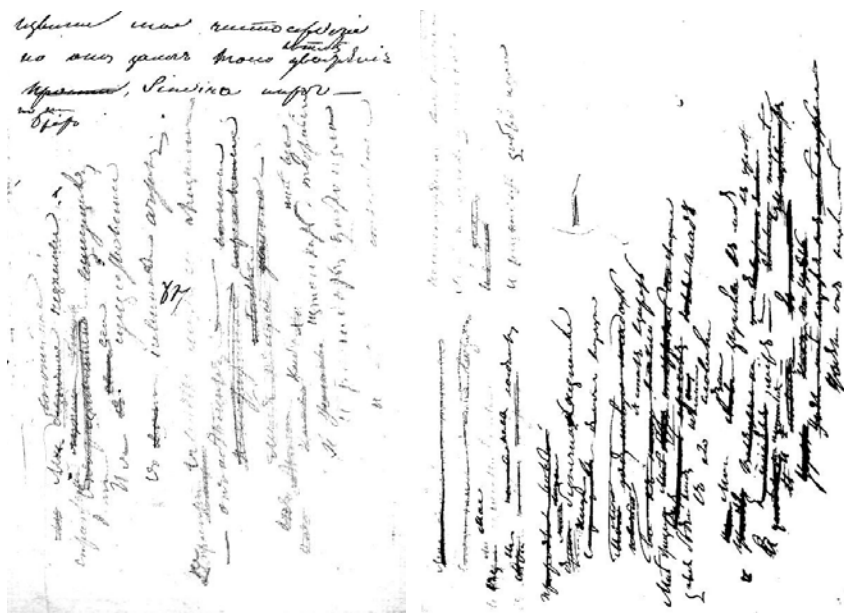
С. А. Фомичев так формулировал исходный текстологический принцип: «С послелицейских лет Пушкин привык обдумывать параллельно несколько замыслов, отраженных в его рабочих тетрадах, перебивая отделку крупных произведений рядом других набросков».¹¹³

Тетради заполнялись чаще всего с обеих сторон и в достаточно большой промежуток времени (обычно 3—4 года).

¹¹³ См.: Н. О. Лернер. Примечания к стихотворениям 1823 г. IN: Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова. В 6-и тт. М., 1907—1915, т. II, с. 618.

При этом Пушкин мог писать и «верхом вниз», и «низом вверх», и поперек. Это обстоятельство крайне усложняет описание истории конкретного текста Пушкина, поскольку в основе описания всегда лежит эвентуальная (при определенных условиях) временная последовательность черновиков. И от того, кто как ее раскладывает, зависит в конечном счете та модель, которую исследователь предлагает в качестве истории текста. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ученый, занимающийся историей текста конкретного произведения, вынужден заново пересматривать то, что было сделано его предшественниками.

Стихотворные записи на обоих листах в ПД 832 С. А. Фомичев датирует как «конец 1822-начало 1823 гг.»¹¹⁴:

А если это так, то, пожалуй, можно утверждать, что от темы «демона» (= сатаны) действительно, как от камня, брошенного в воду, пошли творческие круги, затронувшие разные замыслы 1822—1823 гг., — и в первую очередь, следует назвать «Тавриду» (1822) и стихотворение «Демон» (1823),

¹¹⁴ С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 832, *ibid.*, с. 227.

не говоря уже о первой главе «Евгения Онегина» (1823). Связь же замыслов «Влюбленный бес» (1821—1822) и «Сцены из Фауста» (1825) с этой темой, вроде бы непосредственно примыкающих к ним, сугубо номинативная по причине, как считал Л. С. Осповат, «сатирической установки» автора на «ироническое отношение... к апологии скуки»¹¹⁵.

Неоднократно возвращаясь на протяжении 1821-1823 гг. к замыслу какой-то «романтической поэмы» (не то «Любовь беса»¹¹⁶, не то «Влюбленный бес»¹¹⁷), Пушкин, в конечном счете, реализовал этот замысел в стихотворении «Демон».

Генезис стихотворения «Демон», сдвинутый И. Н. Медведевой к 1823 г., на самом деле целиком восходит к лету 1822 г. И хотя Пушкин закончил работу над стихотворением лишь в конце 1823 г., оно было связано с общеромантическими идеями разочарования, волновавшими Пушкина задолго до мировоззренческого кризиса.

Эволюция образа «сатаны», «беса», «демона», который некогда восхищал, логично завершилась осознанием того, что ничего кроме самовлюбленности и, следовательно, крайнего эгоцентризма, категорического презрения к другим и, следовательно, вражды со всеми — этот образ содержать не мог¹¹⁸:

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистошимой клеветой
Он провиденье искушал
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел

¹¹⁵ С. А. Фомичев. «Сцена из Фауста» (История создания, проблематика, жанр). IN: Временник Пушкинской комиссии (1980). Л., 1983, с. 32.

¹¹⁶ С. А. Фомичев. «Сцена из Фауста», *ibid.*, с. 22.

¹¹⁷ Л. С. Осповат. «Влюбленный бес», *ibid.*, с. 181.

¹¹⁸ Т. Г. Цявловская. Влюбленный бес. (Неосуществленный замысел Пушкина). IN: Пушкин. Исследования и материалы. М.-Л., 1960, т. III, с. 440.

И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.
(т. II/1, с. 155)

В 3 номере журнала В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского «Мнемозина» («ценз. разр. — 16 октября 1824 г., вышла — 30 октября 1824 г.»¹¹⁹) стихотворение было напечатано под названием «Мой демон»:

Когда еще мне были новы
Все наслажденья бытия...

Ни черновика самого стихотворения, ни его беловика до нас не дошло. Но то, что Пушкин был раздосадован первой публикацией, — сомнений не вызывает.

Стихотворение под названием «Демон» было еще раз опубликовано в «Северных цветах на 1825 г.» («ценз. Разр. 9 авг. 1824 г., выход в свет — последние числа декабря 1824 г.»¹²⁰):

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия...

На публикацию стихотворений в «Северных цветах», где, кроме «Демона», были напечатаны: «Прозерпина», «Песнь о вещем Олеге» и «Отрывки из поэмы Евгений Онегин», откликнулся рецензент «Сына отечества», скрывшийся под литерами Ж. К.¹²¹

Его статья «Письма на Кавказ. 2», помеченная «СПб. 10 января 1825 г.», печатавшаяся «с продолжением во 2, 3 и 4 номерах журнала», содержала обзор изданий конкурентов; в № 3 («выход в свет 1 февр.»¹²²), в частности, сообщалось: «Демон» есть одно из минутных вдохновений гения, которыми

¹¹⁹ Лакшин В. Я. Биография книги. М., 1979, с. 141—142.

¹²⁰ См.: Пушкин в прижизненной критике. 1820-1827, *ibid.*, с. 483.

¹²¹ О рецензенте см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820-1827, *ibid.*, с. 423-424.

¹²² См.: Пушкин в прижизненной критике. 1820-1827, *ibid.*, с. 495.

Окончание его появилось на л. 59:

*Вот лишь по-прежнему вставил противуположную
существование, перевернул в себя, выкинул
чужбину и притомил к себе, и притомил к себе.
она издала — мне ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~
то что ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~
души, ~~то что~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~
врага человечества ~~душа~~ ~~душа~~ ~~душа~~ ~~душа~~ ~~душа~~
и лишь ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~
себе ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~
~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~
~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~
на ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ ~~улыбка~~ —*

59

Эти черновики публикуются как «заметки» о «Демоне»: «[Думаю, что критик ошибся]. Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в „Демоне“ цель иную, более нравственную. В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало по малу вечные противуречия ответственности рождают в нем сомнения, чувство [мучительное, но] непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения? и в приятной картине начертал [отличительные признаки и] печальное влияние [оного] на нравствен<ность> нашего века» (т. XI, с. 30, курсив — С. Ш.).

Не касаясь многообразных истолкований, хотелось бы указать на одну деталь. Б. В. Томашевский, объединив два предложения в одно и поставив точку, придал последней фразе утвердительный характер.

На самом же деле, прочтение автографа и авторские знаки его — принципиальны: «И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения? И в *таковой* картине начертать печальное влияние на нравственность нашего века?» (курсив — С. III). Фактически, знаки препинания свидетельствуют о цели (удалось ли ему олицетворить «сей дух») и о причинах (действительно ли «враг человечества» повлиял на «нравственность нашего века») написания «Демона».

По сути дела, сняв при публикации черновика вопросы, Б. В. Томашевский подсказывал читателю, что Пушкин уже в начале 1825 г. положительно оценил опыт «олицетворения» и ответил на вопрос о падении нравственности.

Однако роман «Евгений Онегин», в котором герой обернулся «развенчивающим двойником» автора¹²⁴, был еще далек от завершения, да и Пушкин после написания «Демона» обратился к «Цыганам».

Так что приходится думать, что независимо от публикаций стихотворения и черновика ответа на догадки «Северной пчелы», вопросы, поставленные Пушкиным в 1825 г., оставались актуальными.

Не отрицая данных компаративистских штудий, а наоборот, принимая их в качестве подтекстов мышления художника, приходится учитывать и контекстные влияния на историю текста, сам факт которых свидетельствовал, что и «внутри» Пушкина была не одна лишь стихия «бесовского». Хотел того он или не хотел, но разрушительная сила сатаны (беса, демона) противостояла той созидательной силе, которую Пушкин не мог не чувствовать.

¹²⁴ Л. С. Осповат. «Влюбленный бес», *ibid*, с. 186.